

№ 15 2019 г.

Издаётся с 1991 года

РАССКАЗ- газета

Сработали на «отлично»

В этом году торговое предприятие «Моя книга» отмечает пятилетие со дня вхождения в книжный рынок. Продержаться в этом бизнесе даже столь незначительное время — уже достижение. Поэтому пять лет — это, скорее, оценка работы всего коллектива книжного магазина.

С появлением Интернета возникло ощущение, что бумажная книга вот-вот канет в Лету. К счастью, это не так. Интерес к книге не исчез, более того, в последнее время полки книжных магазинов наполнились по-своему уникальными изданиями. Сейчас книгу не просто интересно читать, но её ещё приятно рассматривать, держать в руках. Да, тиражи книг заметно снизились, но при этом существенно расширился ассортимент продукции, стало возможным приобретать книги различных стилей и направлений.

Поэтому на первый план выходит проблема выбора. К счастью, в книжном магазине, расположенном по адресу: ул. Советская, 11, работают не просто продавцы-консультанты, а настоящие любители книги, с хорошим художественным вкусом, которые помогают покупателям найти на полках приятного и умного собеседника, при необходимости познакомить с модными авторами, определиться с подарком, помочь собрать ребенка в школу и так далее.

В этой связи хочется назвать два имени. Нина Рыжова свыше 35 лет работает в этой сфере, обладает уникальной памятью на книги. Галина Сорокина начитанна, хорошо ориентируется в современной литературе. Словом, они не просто продавцы, а уникальные люди, по-настоящему увлеченные своим делом.

Еще одна особенность этого книжного магазина — домашний интерьер. Сетевые магазины похожи на склады, а здесь как-то по-особенному неторопливо течет время, хочется взять с полки книгу и сесть за круглый столик у окна, чтобы без суеты открыть бумажную дверь в мир искусства, воображения, мечты... Ведь хорошая книга — это противодействие реальному миру, который зачастую не так добр, как нам того хотелось.

Вполне закономерно, что у книжного магазина за эти пять лет появилось немало постоянных покупателей, точнее, друзей магазина. Любители книги — это особые люди, которые готовы многим жертвовать ради того, чтобы приобрести томик стихов или красочный альбом.

3»

НОВАЯ КНИГА

В основу книги Сергея Федорова и Татьяны Гнатюк «Святой из Питима. Евсевий (Рождественский), архиепископ Шадринский» легли подлинные документы из архивов областного и федерального уровней, архива ФСБ, материалы из домашних архивов. В книге содержится множество иллюстраций, большинство из которых публикуется впервые. Авторами приведены малоизвестные страницы истории села Питим Пичаевского района и округа — малой родины владыки Евсевия, проведены обширные генеалогические исследования рода Рождественских и других родов, связанных с владыкой Евсеем родственными узами.

Судьбы священнослужителей Рождественских и Липовских, Покровских и Критских, Нечаевых и Трескиных, встретившиеся на родословных перекрестках, переплетены не только родственными, но и узами товарищества, неразрывными нитями, связывающими учителя и благодарного ученика. Такими учителями у Евгения Рождественского (светское имя архиепископа Евсевия) были ректоры Тамбовской духовной семинарии Феодор Поздеевский и Симеон Холмогоров, преподаватель семинарии, а в дальнейшем и Академии, А.А. Нечаев, профессор Академии И.М. Покровский, краткие биографии которых также приведены в книге.

Евгений Рождественский, будущий архиепископ Евсевий, родился 22 декабря 1886 года в селе Питим Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье приходского дьякона Петра Васильева Рождественского. В 1897 году Евгений зачислен в первый класс 2-го Тамбовского духовного училища (позднее — Серафимовское), которое успешно окончил в 1901 году, как один из трех лучших выпускников первого отделения.

3»

Осень — время подводить итоги Первого Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой

Завершается Первый Межрегиональный поэтический конкурс имени Майи Румянцевой, который стартовал в Тамбове весной 2019 года. Тамбовская областная писательская организация неслучайно выступила с инициативой его проведения.

Обращённость к теме малой родины, настроенность на диалог с поэтами «из регионов» и сама попытка найти поэтический отклик на большие вопросы современности явились глубинной потребностью организаторов и устроителей фестиваля.

Нас беспокоила и продолжает беспокоить разорванность русского поэтического пространства, проблема неуслышанности и невостребованности спонтанного лирического высказывания в культурном контексте нашей жизни.

2-3»

Осень — время подводить итоги Первого Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой

1» Целью конкурса стал поиск имён и лиц, тем и мотивов, сюжетов и образов, объединившихся вокруг сравнительно небольшого, но по-прежнему живоносного (даже в своей минорной ипостаси) сакрального круга традиционных ценностей отечественной культуры. Именно поэтому основной темой для размышлений была выбрана тема дома, причастности к земле, родовой памяти.

Конкурс не ставил перед собой задачу разделить профессионалов и любителей, не ограничивал участников возрастными и статусными рамками. Тем не менее нельзя не признать, что его география могла бы быть шире. Мы надеемся, что в следующем году объём присланных материалов возрастёт и количественно, и качественно.

Абсолютным лидером по качеству присланных поэтических текстов стала Липецкая областная писательская организация. Мы выражаем признательность председателю Липецкого регионального отделения Союза писателей России Андрею Новикову за подготовку конкурсных материалов. Также в конкурсе приняли участие поэты из Белгородской, Курской, Тамбовской, Московской областей, Оренбурга, Читы, Челябинска и Санкт-Петербурга.

Членами жюри были отмечены произведения наших земляков, мичуринских поэтов Александра Трунова и Ольги Гавриловой. Привлекают нестандартная образность представленных стихотворений, интонация ностальгической задушевности, своеобразие творческого

почерка. К сожалению, стихотворения тамбовских авторов не составляют и одной четверти от общего объёма присланных материалов.

На общем фоне обращают на себя внимание глубоко прочувствованные и духовно содержательные стихи отца Владимира (Крючкова) из г. Жердевка. Это именно тот случай, когда поэтическое высказывание (пусть не идеальное с формальной точки зрения) явно порождено болью и любовью живого человеческого сердца. Мы благодарим о. Владимира за участие в нашем конкурсе и высокий опыт прочтения нравственного контекста современности. В июне 2019 года Тамбовская областная писательская организация опубликовала на своём сайте, на страницах «Тамбовской жизни» и в соцсетях длинный список победителей промежуточного этапа конкурса. Почётное жюри конкурса во главе с его председателем Мариной Кудимовой выбрало из 17 победок, вошедших в длинный список, восемь наиболее впечатляющих.

Остаётся поблагодарить участников конкурса за горячий и своевременный отклик на приглашение к поэтической беседе, вдумчивое отношение к составлению победок и обратную связь. Надеемся на продолжение сотрудничества и сотворчества!

Предлагаем вашему вниманию стихотворения авторов, вошедших в «короткий список» конкурса.

Мария Знобищева.

Ольга Гаврилова
Мичуринск

«Провинция», —
Две восточные трубы горланят в терцию.
Внимайте цоканью подошв
по плитам памяти.

«Провинция». Прощежено вино до унции.
Отгёрты пятна
на крахмально-белой скатерти.

Провинция — царапают порой
гранитным крошечком
Осколки битой правды, стёртой истины.

Провинция: глаза святых на стенах
в храме брошенном,
Торчащих бронзовых сверкающие лысины.

Провинция, ей узок,
жмёт в груди пиджак поношенный.
Разбилась цепь. «Распалась цепь великая».

Провинция. И травы в рост
стоят, никем не кошены.
Семи ветрам не внемлет «поле дикое».

Провинция. Цветёт себе
бурыми аллеями
Сплетение путей, когда-то избранных.

Провинция — курган надежд,
которые взлелеяли
Погибшие на перекрёстках жизненных.

Провинция, целующая
в губы беззащитно, —
Да кто же скажет, чёрт возьми,
что пьяница!

Провинция,
Усталая растрёпанная женщина...
«Вагончик тронется,
перрон останется»...

Владимир Крючков.
Жердевка.

ЛЕСНОЙ ЦАРЕВИЧ

Как хочется порой уйти туда,
Где жмётся к лесу спящая звезда,

Где вольный ветер
дышит полной грудью
И гимн поёт безмолвью и безлюдью.

И в этой первозданной чистоте
Разбить смартфон в отместку суете,
Чтоб не искали, чтобы не звонили —
Ведь люди раньше тоже как-то жили,

По пустякам друзей не беспокоя.
Ах, наше время — умное и злое! —
Воздушных замков,
мыльных пузырей,

Звонит, кричит, прозвиг:
«Быстрее, быстрее!»

Остановись, бегущий человек,
И вспомни, что земной недолог век.
...А мне во сне увидеть довелось,
Как плёт росу с травы красавец-лось...

Сергей Луценко.
Павловск.

ПОЗЁМКА

Позёмка
день и ночь
метёт...
И день и ночь
летит
позёмка...

Ну чем ещё тебе помочь,
Друг ветер, плачущий негромко?

Вздыхающий так древне — и
Так ласково и обречённо
Над ветхими деревьями,
Над их бедой неизречённой?

Проходит всё...
Поплачь, поплачь
Над тем, чему помочь не в силах.
Спит праведник и спит палач
В соседних сумрачных могилах.

Но знает Бог, что всё не зря —
Тому, кто прав, навстречу выйдёт...
Летит
позёмка
декабря,

Но видит Бог...
Надеюсь, видит...

Эмма Меньшикова.
Липецк.

РУКИ

Старухи, деревенские старухи...
Поняки на коленях ваши руки —
Большие и натруженные птицы,
Уставшие за хлеб насыщенный биться...

Сушили ветры их, вода студила,
Работа ломотою изводила,
Но вновь и вновь вздымались эти руки,
Спасая Русь от горестной разрухи
Земным трудом и праведной мольбой.
А нынче снилки, скованные болью...

Сидят старухи, их сложив бессильно.
А было время — сеяли, косили,
Сучили пряжу, шили и вязали —
Ни славы, ни богатства не стяжали.

Осели избы — мазанки из глины,
Вокруг бушуют заросли малины...
Зимой и летом в плошевых шубейках
Весь день сидят старухи на скамейках.

А сверстницы их — западные дамы! —
Сверкают бриллиантово перстами,
Смакуя пьют игристое ламбруско
И учат жить несносных этих русских...

Андрей Новиков.
Липецк.

РОДНОЕ

Да, мы угадывать умеем,
Грядущее на полчаса,
Когда душа бумажным змеём
Штурмует снова небеса.
Ползи, безвременье, улиткой,
Осваивай капустный лист,
Где в огороде, за калиткой,
Простор непостижимо чист.

Где горизонт прохладным хромом
Вращает стрелками часов,
И взрыв сирени перед домом
Со вздохом заперт на засов.
Пусть на веранде притаилась
Бессонница в цветном стекле,
Но сердце так счастливо билось

Смачно сделает глоток.

Победители конкурса имени Майи Румянцевой

Первая премия

Эмма Меньшикова (г. Липецк)

Вторая премия

Светлана Пешкова (г. Липецк)

Третья премия

Сергей Луценко (г. Павловск, Воронежская обл.)

о. Владимир (Крючков) (г. Жердевка, Тамбовская обл.)

Специальная премия

Ольга Гаврилова (Мичуринск)

Евгений Карачев

О радости к родной земле,
Что в пробужденье многоликом
Пернатый дол сейчас воскрес,
И губы выплывав черникой,
Издали смеётся лес.

Светлана Пешкова.
Липецк.

ЗА ДВОИХ

Вздыхает печь, трещат поленья,
Опыт нашлось немало дел,
И я с обещанным смиреньем
Стараюсь жить, как ты хотел.
Наш мир с нехитрыми вещами
Мне помогает.
Неспроста
Полы и стены освящает
Разлёт оконного креста.
За ним — косматый ежевичник
И сад, где радостно скучать.
Сердца спешащих электричек
По расписанию стучат.
...Я привыкаю, всё в порядке —
Ты видишь, ты же знаешь сам —
Добрютю овощи на грядках,
Ромашки смотрят в небеса,
Пылают мальва у сарая,
К забору жмётся девясил...
И я счастливой быть стараюсь
За нас двоих, как ты просил.

Александр Тамбовская.
Липецк.

ТАМ, В ЛЕБЕДЯНИ...

Там, в Лебедяни, где ветер
порывом
Листья несёт по стерне,
Рыжим, усталым, беззубым
обрывом
Дон улыбается мне.

Баю-баю

Баю-баю... снов не видит
Старый хутор по ночам.
По дворам, заросшим снытью,
Бродит лунная печаль.
То, вздохнув, уронит грушу,
То прольёт вишнёвый сок,
То из бурой вязкой лужи
Смачно сделает глоток.

То водой в колодце булькнет,
То возьмётся в окна дуть.
А устанет — ляжет в люльку,
Позабывтую в саду.

Ветер млочку качает,
Осторожный, словно вор.
За плетнями, нескончаем,
Стелет простыни простор.
Заглянула в люльку птица —
Ищет гнёздышко птенцам...

Седовласый пар клубится
У прогнившего крыльца.
Речка звёзды привечает,
Привечать чужих — не грех.
Над заброшенным причалом
Вьётся иволговый смех.

Волк, свернувшийся в калачик,
Спит у чёрного куста.
Баю-бай.
Никто не плачет.
Ночь.
И млочка
Пуста.

Александр Тамбовская.
Липецк.

ТАМ, В ЛЕБЕДЯНИ...

Там, в Лебедяни, где ветер
порывом
Листья несёт по стерне,
Рыжим, усталым, беззубым
обрывом
Дон улыбается мне.

Куполом синим, голубем белым,
Тонкой звенящей струной,
Милым, наивным, певучим,
несмелым

Юность встаёт предо мной.
Рынок раскинул свои акварели,
Светится дождик слепой.
Стадо машин на мосту еле-еле
Двигается на водопой.

А на углу, в красоте увяданья,
Дремлет под щебеты птиц
Кроткое зданье, старинное зданье
В старых немодных очках.

Храм перекрасил линиями ветошь,
Высветила голову клён.
Грустно похожи на тех, кого нет уж,
Образы древних икон.

Александр Трунов.
Мичуринск.

НАДЕЖДА

На бездорожье упал рассвет.
Ветер в степях разбросал снега.
Жили в глуши беспросветных лет,
Плакали, плали — судьба строга.
Не беречь ни тела, ни сны —
Чем дорожить-то? Всего — на грош...
Только и видели: луч весны,
В явь ли, в безумие — не поймёшь.
Вот и дошли — хоть вяжи глаза:
Больно смотреть за черту, за край,
Тошно вперёд, да нельзя назад,
Волком бы взвять,

да привычной лай.

Вьмерали души в седой степи
И не дождался иных миров.
Холодно, братушки, да не спи!
Крова не нажил — согреет кровь.
Будем быстрее, дойдём ли, нет, —
Где-то ж должна быть она — Весна!
На бездорожье, гонитель сна,
Посланный Небом, упал рассвет...

Сработали на «отлично»

1» На сегодняшний день это единственное торговое предприятие в области, где наиболее полно представлено творчество местных авторов. За пять лет работы в общей сложности с тамбовскими писателями было заключено 116 договоров. Причем региональная литература представлена как художественными произведениями, так и краеведческими работами. Наибольшей популярностью пользуются книги искусствоведа Марины Климовой, писателей Владимира Селиверстова, Елены Чистяковой, Юрия Мещерякова, Сергея Кочукова, Евгения Писарева, Валентина Соловья, краеведов Бориса Юдина, Сергея Федорова, Евгения Быковского...

Кроме того, в магазине можно приобрести и живописные работы тамбовских художников.

Приблизительно раз в месяц проводятся литературные фуршетты. За пять лет их было организовано не менее трех десятков. Гостям предлагаются различные литературные жанры, начиная от русского авангарда и заканчивая народными сказами. Литературные фуршетты — это и презентации литературных новинок, и встречи с литераторами, краеведами, живописцами, издателями и просто любителями литературы. Традиционно литературные фуршетты заканчиваются чаепитием, которое позволяет неформально пообщаться в приятной компании единомышленников.

Гостями книжного магазина было немало замечательных литераторов. Достаточно назвать

главного редактора знаменитой «Литературной газеты» Максима Замшева и поэта-авангардиста Сергея Бирюкова.

Книжный магазин на Советской, 11 устроил литературную премию «Мудрая сова», которая ежегодно вручается литераторам и краеведам за сотрудничество и популяризацию художественной литературы и истории родного края.

«Моя книга» издаёт «Рассказ-газету». Выходит она не реже двух-трех раз в год. Газета распространяется бесплатно, в том числе в книжном магазине. Издание играет заметную роль в литературной жизни региона. Газете уже 28 лет. Её основатель — писатель, издатель, меценат, коллекционер Александр Андрунин.

«Моя книга» участвовала в нескольких интересных литературных проектах. В этой связи хочется сказать о переиздании уникальной книги «Тамбовия Вернадских». Род Вернадских внёс значительный «вклад в копилку» культуры тамбовского края.

«Моя книга» — единственное не сетевое торговое предприятие в областном центре. Это наш с вами магазин, который необходимо всячески поддерживать. Если «Моя книга» продолжит свое существование, то не иссякнет вера у местных краеведов и литераторов в завтрашний день.

Олег Алёшин.

«...Святая жизнь может идти только
одним путем, это — путь скорбей и страданий;
кто хочет жить свято и богоугодно,
тому неизбежно предстоит Голгофа...».

1» В 1907 году Евгений Рождественский так же блестяще заканчивает Тамбовскую духовную семинарию, по окончании которой, как один из лучших учеников, был награжден книгой В. Соловьева «Оправдание добра», получила право без вступительных экзаменов поступить в духовную академию и учиться там за казенный счет. Выбирая для продолжения духовного образования именно Казанскую академию, Евгений в числе других мотивов этого выбора главным образом имел и тот, что здесь, в Казани, найдет себе опытного в духовной жизни руководителя-старца в лице бывшего наместника Богородицко-Седмиозерной пустыни схимо-архимандрита Гавриила (Зыранова). И ещё будучи второкурсником, в октябре 1908 года, Евгений Рождественский принял монашеский постриг с именем Евсевий. Молодой иеромонах твердо усвоил для себя, что путь к Богу легким не бывает, и на судьбу не роптал.

1 марта 1913 года на кафедральном соборе за архиерейским служением 27-летний отец Евсевий произнес «Слово в пяток первой седмицы великого поста, при воспоминании страстей Христовых», ставшее для него самого пророческим: «...Святая жизнь может идти только одним путем, это — путь скорбей и страданий; кто хочет жить свято и богоугодно, тому неизбежно предстоит Голгофа...» В общем-то, вся недолгая жизнь Архиепископа Евсевия Рождественского в полной мере отражает то беспокойное время. В детстве, в 1892—1893 годах, он был свидетелем борьбы с голодом, в которой самое близкое участие принимал его отец. Во время учебы в семинарии волнения и бунты были в порядке вещей, а само желание учиться и следовать избранному пути в 1905—1907 годах могло поставить под угрозу если не жизнь, то здоровье. В 1911 году после окончания Казанской духовной академии иеромонах Евсевий Рождественский был оставлен в ней профессорским стипендиатом, был и д. доцента академии, преподавал в ней Священное

Писание Нового Завета. Во время учебы и работы в академии он также был членом Комитета одной из крупнейших в Российской империи губернских просветительно-благотворительных организаций трезвеннической направленности Казанского общества трезвости под руководством Соловьева А.Г. В декабре 1917 по болезни Евсевий Рождественский был уволен с духовно-учебной службы и стал насельником Московского Данилова монастыря. А потом пошла череда назначений. Создается впечатление, что его, если образно выразиться, буквально «бросали в горячие точки», в епархии, где или не было владыки, или было заслуже обновленцев: епископ Яранский, викарий Вятской епархии; перемещен на Уржумскую кафедру, в то же время сохраняя обязанности по временному управлению Вятской епархией. В 1922—1923 годах Евсевий Рождественский — епископ Ставропольский и Кубанский, с января 1923 года — епископ Ейский, викарий Краснодарской епархии. В 1926—1927 годах — епископ Нижнеудинский, временно управляющий Иркутской епархией. С 1927 года — епископ Забайкальский и Нерчинский, 27 марта 1930 года возведен в сан архиепископа, а с 3 апреля 1930 — архиепископ Шадринский, управляющий Свердловской епархией. Служил в Вознесенской церкви Свердловска. С декабря 1930 года ввиду ареста епархией более не управлял. Срок заключения архиепископ Евсевий отбывал в Сиблаге. А 17 июля 1937 года в Юргинском ОАП по ст.58-10, 58-11 УК РСФСР на него было заведено новое следственное дело, в результате которого на заседании тройки управления НКВД Новосибирской области от 28 октября 1987 года ПОСТАНОВИЛИ: Рождественского Евсевия Петровича РАССТРЕЛЯТЬ. Что и было приведено в исполнение 5.11.1937 г. Место погребения неизвестно.

Татьяна Николаева.

Памятник «Тамбовской казначейше», в губернском центре, примостился к магазину «Сказка», теща местническое самолюбие. А «где её улица, кто эта девица?» — ответа нет. Кому, кроме Лермонтова, жители признательны за столь эпические признаки провинциального естества?

«Тамбовская казначейша» — так Лермонтов назвал свою «сказку». Цензор получает произведение с безобидным названием — но события в указанной губернии — это вызов цензуре. Какие «тамбовские» мотивы повлияли на создание такой поэмы? Или Лермонтовым двигало желание сделать кому-то памятный литературный подарок? Лермонтов мог бы поселить своих героев в любой другой губернский или уездный город, но все-таки выбрал Тамбов.

Найти в губернской истории какие-либо намеки на проигрыш казначейши невозможно, что даже истый краевед В.П. Пешков задался вопросом: «Была ли казначейша тамбовской?». И нет ни малейшей связи с «потаенным» московским проигрышем. Но Кляно — муза неумолимая, и нраву своему не изменяет. Развернет измятый, замусоленный свиток — махнет не отточенным стилем, и потекут события начертанным чередом...

Это случилось в Санкт-Петербурге. В пылу оней безрасудства была проиграна законная жена. И этот факт не вызвал солнечного затмения, волнения умов или брожения нравов. За игровым столом сошлись: её Величества камергер Петр Пассек и конференц-секретарь академии художеств Александр Салтыков. В игровом изурнирени, когда все мысленные ставки сделаны, Салтыков возвел на кон жену, и, будто по прозрению карты, безупречная красавица Мария Сергеевна перешла под сень судьбы Пассека.

Петр Пассек увозит «выигранный» Марию Салтыкову — в Смоленскую губернию.

Он женат, участник заговора будущей императрицы Екатерины II, обласканный званиями и деньгами, она — уже в пятнадцать лет родила сына Михаила, а второго, под прикрытием вдовства, от сожителя Пассека.

Пассек ставил, он обрел смысл жизни: Мария Сергеевна, сыншишка Петр, манежные лошади и метане карт составляли природу его душевного равновесия. Екатерина II не забывает верно-подданных слуг. Пассек получает достойное назначение на место губернатора Могилевского наместничества.

Мария Сергеевна никогда не сомневалась в сердечной привязанности Петра Пассека. Какое только махинации не предпринимал он ради её благополучия и прихотей: от «удержания» чужих бриллиантов и штатулки императрицы с табакерками, часами, перстнями для раздачи их служащим в

штатской службе до растрачивания наследства своего племянника. И первойшая страсть Пассека — карты — нигде не исчезла; но теперь над игровыми столами витал покров «козырной дамы» — Марии Сергеевны.

Пассек обустроил игру с невиданным размахом: законы и запреты не его удел. «Столы парадно освещенные; при каждом служитель, дабы каждый игрок имел без затруднения удобность: приказывать, требовать и довольствоваться всем тем, что ему угодно, кроме птичьего молока. Каждый игрок был хорошо принят, а особливо те, которые имели честь быть с хозяином в мотие (расточительном проигрыше — В.Н.), отлично были уважаемы». «Четыре или пять столов для виста были раскинута по стенам большой залы, среди которой наместник метал банк. <...> Денег, выручаемых за карты, хватало на содержание дома Марии Сергеевны, а доход от банка покрывал расходы наместника».

Как-то в разгар лета генерал-губернатор Белоруссии П. Пассек посылает своего доверенного чиновника исправить весьма деликатное дело ради Марии Сергеевны. Чиновник должен заменить помешавшегося с перепоя секретаря С-ва и исправить положение. А дело ожидало момента, когда созрел обстоятельство, размягчающие законные пути приобретения доходных имений «по мирному третейскому разделу детям Марии Сергеевны от законного брака. Наследство наполняли две деревни, «состоящие невступно из 500 душ» в Тамбовской губернии, правда, под надзором опекунов. Требовалась оценка трезвый и умом не помешанный. Не случись пьяного припадка с этим секретарем, не узнать нам о событиях баснословных времен на Тамбовщине. Так пьянство послужило оживлением этой истории.

Наконец, со смертью одного из опекунов, открылась возможность перевести опеку над недвижимостью детей на законную мать. Пассек снабдил чиновника письмом в Москву, к живому опекуну Маслову. Требовался отказ от опеки — за малолетних Салтыковых.

Вперед дорога на Тамбов, через воровскую местность и разбойные преграды. Молва восхищается удалю лихих людей, да путник устращается каждой верстой. И все же он благополучно добирается до Тамбовской губернии града оной Спаса. Чиновник встретился с заведенным суда и земским исправником — «счастье послужило». «Предваряя их в самую короткую пору о существе дела и о верности, отъехал в деревню Салты-

Предположительно Мария Салтыкова-Пассек. Художник Анжелика Кауфман.

ковых». Живя в них и наезжая в Спась, он «сделал формальный отказ деревень и оформил опеку над имуществом детей на мать». Обратный путь — через «губернский город Тамбов», где чиновник отправляет годовой оброк и «копию с наставления (крестьянам деревень — В.Н.) к моей доверительнице и моему генерал-губернатору».

Черта подведена, цель столь необычного предприятия — «обзорные деньги». Мария Сергеевна и Пассек верны себе — стяжать любые средства правдой или в обход закона. Пассек выиграл правду, под надзором опекунов. Требовалась оценка трезвый и умом не помешанный. Не случись пьяного припадка с этим секретарем, не узнать нам о событиях баснословных времен на Тамбовщине. Так пьянство послужило оживлением этой истории.

Как появляется след «козырной» могилевской «казначейши» на тамбовской земле. Но временом пространство и движение преданий все ещё не могут связать нас с произведением М.Ю. Лермонтова. Преодолим ли эти исторические горизонты? Родословное древо, соединяя имена ломаными линиями, ничего не говорит о преемственности судеб. Благо, что невидимую жизнь корней выдает природой «ветвей».

Вспомним о сыне Марии Сергеевны от брака с Салтыковым. Переведец Михаил едва ли испытал материнскую любовь в полной мере. Он определен в Императорский шляхетный кадетский корпус.

рамеренную семейную жизнь. У них родились дети: Михаил, 1804 г., а в 1806 г. — Софья, так эта ветвь рода Салтыковых «проросла» в XIX-й век.

Павел I воздал всем властолюбцам и пронирам эпохи матушки Екатерины. П. Пассек получил отставку от должностной кормушки и запрет на въезд в обе столицы. Вспыли обвинения в таможенных конфискациях бриллиантов, поистине «средневековых», и прочие ухищрения, но дело не завершилось ввиду заговорщического восшествия на престол Александра I. Мария Сергеевна Пассек (в браке с 1796 г.) перешагнула рубеж веков, она скончалась в феврале 1805 года, ненадолго пережив П. Пассека.

Сын могилевской «казначейши» Михаил Салтыков не столь счастлив в семейной жизни, жена Елизавета Францевна скончалась в 1814 г. в Казани. Не «всё» сложилось и в государственной службе, но он уже камергер, а при Николае I — сенатор, и не обделен наградами. Салтыков восхищал современников тем, что был «человеком чрезвычайно умным, исполненным многих сведений, красивым и даже милостивым».

Михаил Салтыков закончил кадетский корпус в тот же год, когда его мать перевела на себя право опеки над имуществом детей. Но «малолетнему» Михаилу уже 20 лет, через год он сам мог бы вступить в наследство, да «казначейшу» не обкачешь, — сын же устремлен на военное поприще.

Не без заботливого слова своего родственника Михаила Салтыков назначен в штаб князя Г.А. Потемкина. В 1790 г. он переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк. С конца 1793 г. уже «находится для поручений в ведомстве президента Военной коллегии генерал-аншефа, графа Н.И. Салтыкова».

Близость ко двору, связи, образование, воспитание и внешняя привлекательность сделали свое дело. Полковник М.А. Салтыков замечен императрицей, и альковная баталия преобразует жизнь старшей государыни. Екатерина II жадно ищет замену талантам светлейшего князя Потемкина, для неё фаворитизм не исключает практического служения державе.

Михаил Салтыков «занимает», «будучи совсем ещё маленькой девочкой, воспитание и образование закончила в петербургском женском пансионе девицы Е. Д. Шретер». Среди преподавателей особо выделялся Петр Александрович Плетнев — друг Пушкина и Дельвига, известный писатель, поэт и издатель. «Ему, по-видимому, была обязана развитием большой любви к словес-

ности вообще и к русской — в особенности. Пушкин был для неё кумиром». Окончив пансион, С.М. Салтыкова в июне 1824 года вместе с отцом отправляется в Смоленское имение своего дяди П.П. Пассека — Крашнево. Петр Петрович — генерал-майор в отставке, «единоутробный» брат её отца Михаила А. Салтыкова. «Имение его было прекрасно устроено, и со своими крестьянами он обходился человеколюбиво». Для Софии Михайловны наступило время романтического чувства, явно наследного. 2 августа в Крашнево приехал П. Г. Каховский, поручик в отставке (с 1821), он показался ей вторым Кюхельбекером. Они увлечены поэзией Пушкина. И уже 17 августа пушкинский «Кавказский пленник» явился канвой их объяснения в любви. Родительское благословение не последовало.

«...Казначейша — тамбовская ветвь»

ности вообще и к русской — в особенности. Пушкин был для неё кумиром».

Окончив пансион, С.М. Салтыкова в июне 1824 года вместе с отцом отправляется в Смоленское имение своего дяди П.П. Пассека — Крашнево. Петр Петрович — генерал-майор в отставке, «единоутробный» брат её отца Михаила А. Салтыкова. «Имение его было прекрасно устроено, и со своими крестьянами он обходился человеколюбиво».

Для Софии Михайловны наступило время романтического чувства, явно наследного. 2 августа в Крашнево приехал П. Г. Каховский, поручик в отставке (с 1821), он показался ей вторым Кюхельбекером. Они увлечены поэзией Пушкина. И уже 17 августа пушкинский «Кавказский пленник» явился канвой их объяснения в любви. Родительское благословение не последовало.

Год тянется рассеяние её чувств, но 30 октября 1825 года Софья Салтыкова выходит замуж за барона Антона Антоновича Дельвига (1798 — 1831) — лиценста первого набора, поэта и издателя, друга А. Пушкина и его литературного сподвижника. 7 мая 1830 г. у них родилась дочь Елизавета. Ранняя смерть Дельвига (14 января 1831) резко изменила жизнь Софии Михайловны.

В бытность, предшествующую её второму браку, Софья Михайловна имела общение со всеми друзьями и знакомыми Антона Дельвига и, конечно же, с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, П.А. Плетневым, Н.И. Гнедичем, Евгением А. Баратынским. Брату поэта Ираклию Абрамовичу Баратынскому Антон Дельвиг посвятил (1828) свое раннее стихотворение «Цефиз». Был с ней знаком и «безнадежно» влюблен другой брат поэта, Сергей А. Баратынский.

Не раз навещал отчий дом Ираклий Абрамович Баратынский (1802 — 1859). Он получил образование в Пажеском корпусе. Сделал отменную военную карьеру: от прапорщика (1819) до генерал-лейтенанта. Его славный боевой путь отмечен высокими наградами, он многократно поощрен за образцовое проведение армейских мероприятий. С 1828 г. он штабс-ротмистр (капитан). В 1831 г. он был пожалован флигель-адъютантом к Его Величеству Николаю I.

В 1834 году переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. В это самое время приказом от 22 ноября 1834 года Михаил Юрьевич Лермонтов, по экзамену, произведен из юнкеров в корнеты (младший лейтенант) лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе.

Михаил Лермонтов.

Об окружении своем, о провинциальном обществе в Маре Софья М. Баратынская сообщает своей пансионной подруге Александре Карелиной. Среди родни мужа она выделяет своего деверя, поэта Евгения Баратынского и его жену, а из соседей — Кривцовых, Чичериных и их детей. У Софии Михайловны к тому времени (1834) уже трое детей, она опять на сносях, и ей не приходится скучать. Приезжал к дочери в Мару, в «лето» 1832 года, смирившийся с её выбором и резкой брачной выходкой Михаил Александрович Салтыков. Своим появлением в Маре он будто оживил эпоху Екатерины II.

Не раз навещал отчий дом Ираклий Абрамович Баратынский (1802 — 1859). Он получил образование в Пажеском корпусе. Сделал отменную военную карьеру: от прапорщика (1819) до генерал-лейтенанта. Его славный боевой путь отмечен высокими наградами, он многократно поощрен за образцовое проведение армейских мероприятий. С 1828 г. он штабс-ротмистр (капитан). В 1831 г. он был пожалован флигель-адъютантом к Его Величеству Николаю I.

В 1834 году переведен в лейб-гвардии Гусарский полк.

В это самое время приказом от 22 ноября 1834 года Михаил Юрьевич Лермонтов, по экзамену, произведен из юнкеров в корнеты (младший лейтенант) лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе.

женой М.Ю. Лермонтову стала известна история семьи Софии Михайловны Баратынской.

Использование картин городского пейзажа Тамбова в «Тамбовской казначейше» могло сложиться и в прежние проезды Лермонтова через этот губернский картонный «рай». Ранние впечатления неизгладимей взрослых. Но замысел — «вещь» капризная и ошутимая, как рубашка к телу, которая при первых движениях врастает, сживается с нами или мы подыскиваем другую. В нашем случае — всё сошлось. Справедливости ради надо отметить, что ничто так не оживляет творческий порыв, как причастность к реальным событиям, и воображение уже не удержат.

Мария Сергеевна Салтыкова-Пассек была настоящей «могилевской казначейшей», некогда «взятой в карты». К рукам её, без помощи «мужа», «прилипали»: губернские финансы, средства от игорных «забав», разного рода драгоценности и выручка от «наследных» имений, незаконно используемых, в том числе и расположенных на Тамбовщине. Её сын — Салтыков Александр Михайлович, мимолетный любовник Екатерины II, «арамазец», вельможный, талантливый, но с удручающим характером — владел тем наследным имением, что «до 150 верстах» от Мары. Его дочь Софья Михайловна Салтыкова-Дельвиг, выйдя замуж за Сергея Абрамовича Баратынского, связала тамбовскую землю со своей бабушкой-«казначейшей» Марией Сергеевной Салтыковой-Пассек.

Софья Михайловна Баратынская более пятидесяти лет безвыездно прожила в имении Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии, в «дружной» обстановке «слученной семьи», «стоящей на высоте интеллектуальной культуры». В 1866 году она «вторично овдовела», но «до глубокой старости <...> сохранила живой ум и горячее сердце». Умерла 4 марта 1888 года в Маре.

Генеалогические связи Софии Михайловны Баратынской увлекательны сами по себе. У неё «звездный» круг общения, сплошь состоящий из литераторов. Чем не «казначейша»? Кто бы устоял перед столь «живыми» связями и феноменальным «сюжетом» судьбы её бабушки? Лермонтов не случайно возмущался мозгоблудию цензуры, ибо его «казначейша» — не случайный

или вымышленный персонаж, его «вела» живая ветвь — внучка Салтыковой-Пассек Софья Михайловна Боратынская. Открывается ещё один факт «реальности», это военный чин «улана Горина» — штабс-ротмистр. В момент встречи в Гусарском полку Лермонтова с Ираклием Абрамовичем Баратынским последний был в чине штабс-ротмистра, и это похоже на жест благодарности поэта за рассказ о родственных связях жены его брата Сергея.

Какая милейшая уловка, при строгом запрете на развод, — оправдывать адюльтер вынужденной картонной ставкой на жену. Существовала ли договоренность между «мужьями» или карта случайно им улыбнулась — ответа нет. Между тем при разнудности характеров и эпатижности поведения игроков разные авторы говорят об обобщенном чувстве любви наших героев.

Памятники неслышно «шагают» сквозь утекающее время. Но каждому они рассказывают о чьем-то своем, и каждый приносит к ним свое тепло, и они возвышают нас до незримых высот духовной тверди и омывают наши души живой памятью веков.

Вот и памятник «Тамбовской Казначейше» рассказывает нам о козырной «бронзовой бабушке» — Марии Сергеевне Пассек и о её «бронзовой внучке» — Софье Михайловне Боратынской, и о лермонтовской казначейше Авдотье Николаевне Бобковской, оживившей историческое пространство Тамбовской губернии, да так, что города Тамбов и Могилев, как «генеалогические» родственники, обязаны стать побратимами.

Р.С. Автор намеренно сократил повествование, ибо в этой истории живут известные люди XVIII и XIX веков, рассказ о которых потребовал бы книжного формата. А так, уже сегодня, любознательный читатель может наполнить живым гордостью за литературный подвиг Михаила Юрьевича Лермонтова. Но и «...Казначейша» приобретает законное место на тамбовской земле, а восстановление имени Баратынских — «МАРА» — становится настоятельной потребностью и укором российскому полнито-административному и культурному сообществу.

Виталий Новаковский.

1
Есть что-то в его биографии и характере от стэндалевского Жюльена Сореля. Подобно ему, он выходит из провинции. Так же талантлив, умен, влюбчив, политизирован, враг новоиспечённой буржуазии. В делах общественных, в любви и творчестве романтик в нём оборачивается прагматиком и наоборот. Сорель начинал красноречивым семинаристом, Лимонов к середине жизни стал пламенным большевиком и даже бордюрку отращивал под Троцким.

2

Жизнь с выхолощенной из неё героиней для Лимонова никчемна. Героическое прошлое страны постоянно напоминает о себе в его творчестве (повесть «У нас была Великая эпоха», книга публицистики «Убийство Часового»). В XXI веке он лихорадочно реанимирует культ героев в духе Каремейя. Создает виртуальный пантеон, куда входят Пётр I, Ленин, Савинков, Мао Цзэдун, Че Гевара и другие. Нашлось там место и для Гитлера с Муссолини. Оказывается, они тоже героические личности, или священные монстры, говоря языком автора. Романтизация тёмных натур и отпетых злодеев — одна из самых звонких пощечин общественному мнению, а точнее, либеральному бомонду, его представляющему. В 90-е годы либералы вдоволь поиздевались над понятием «героизм», объявив, что нет таких идей, ради которых стоит рисковать собственной жизнью. Не будем слишком строго судить Лимонова за вольную трактовку героики, позволяющую нацистам стоять в одном ряду с такими светлыми личностями, как Че Гевара, Гагарин, Караджич. Кроме всего прочего, тут замешана эстетика, театр замешан. Лимонов примеряет разные идеологические личины. Пока он остановился на маске национал-патриота, но уже присматривается к другой — умеренного либерала-западника.

3

В 1993 году, когда граждане легковерно внимали сказкам о чудесной жизни на Западе и были обманываться рады, вышло в свет эссе Лимонова «Дисциплинарный санаторий», где он рассуждает о специфике западного общества потребления.

«Благополучие западной жизни иллюзорно, она обречена, несмотря на внешние признаки процветания», убеждён писатель. Да, но ведь о том же из года в год твердили нам и коммунисты. Может, напрасно мы отказались от идеологического, якобы ложного, тезиса о «загнивающем капитализме?» Думаю, что да. Суть в том, как понимать «загнивание». Если понимать его как крайне противоречивый и длительный процесс, то тезис о загнивании вовсе не кажется глупым. Запад во главе с атлантическим держимордой пока ещё не достиг пика своего могущества, вся кульминация впереди. Возможно, через век, возможно, гораздо раньше. Ну, а потом? Потом стремительное падение в бездну. Именно такой финал и предсказывает Лимонов Западу: «Санаторная утилия времена. Крайнее напряжение всех сил планеты для поддержания её существования долго продолжаться не может. Наиболее достойные из «мутон» вынуждены будут понять это и прогнуться. К тому же, даже очень спокойным и послушным животным «хорошая жизнь» становится однажды потерей горла. Монотонный труд, переваривание пищи, мирный секс — прекрасные вещи, но они удовлетворяют лишь часть потребностей

4

Гейне заметил как-то: «...плоть становится агрессивной, едва она почувствует себя немножко реабилитированной; она не довольствуется тем, чтобы стоять на равной ноге с духом, нет, она стремится захватить все новые области, она доходит до оскорбления духа». В сочинениях Лимонова плоть полностью реабилитирована. Она стоит на равной ноге с духом не желает, сбросила платонический аспект любви как лишней груз. В прошлые века мастера словесности воспевали лица любимых, их плечи и грудь, абстрактные «ножки» (их конкретика была глубоко законспирирована). Теперь же, когда юбки так укорочены, что их словно бы и нет, взору открывается ошеломительное зрелище женских ног, вдохновенно бесстыдных, живущих автономно от собственного туловища. Не ведающее робости в использовании темы секса, современное искусство находится под их гипнозом, и весь процесс реабилитации плоти сопровождается мистическим преклонением перед фаллосом и вагиной. Это чувство присуще и Лимонову. С предельной ясностью оно запечатлено в его прозе. Изрядный эротоман, певец брутальности и гениталий, он обожает девочеч-ним-

5

Занятия политикой не могли не отразиться на лимоновской эссенстике. Бицепсы фраз её заиграли. Прозу пронизала энергетика нигилизма, в ней взяла верх высокомерно-миссионерские интонации. В работах последних лет («Другая Россия», «Контрольный выстрел», «Русское психо») всё чаще встречаются оскорбительные выпады против русских. Обычай страны, её традиции, верования служат мишенью для злых острот, для леворадикальных умозаключений: «Россия живёт по «адапу», по понятиям, сложившимся из обычаев предков. «Адап» в мусульманском мире именно и означает традиционные обычаи предков, в противоположность «шариату» — кораническому закону мусульман, принесённому пророком Мохаммедом. Россия лишь старалась, делала вид, пыталась, но никогда, по сути, не жила по социализму, а сейчас не живёт по капитализму, а уж тем более по демократии. Наш «адап», понятия оказались сильнее и социализма, и капитализма. Это древние, реакционные и злобные обычаи, и потому сформированные ими архетипы судей, ментов, следователей, пенсионеров с неизменной психологией крепостных, мерз-

ких чиновников (гениально увиденных Грибоедовым, Гоголем, Салтыковым-Щедриным), заносчивой старомодной интеллигентией есть древние ушербные типы. Чтобы состоялась Новая Россия, насущно необходимо уничтожить злобные обычаи русского «адапа» и тем самым остановить вечное воспроизводство убогих и отрицательных архетипов. Чтобы более не размножались гоголевские чиновники, не размножались музейные судьи и их монашеские туфли, деграданты-крестьяне, стрельцы-менты. Чтобы старухи больше не размножались, чтобы племя покорных, трусливых, трепещущих перед властью не появлялось из поколения в поколение вновь и вновь в России, нужно уничтожить «адап». Старый мир следует разрушить ниже основания, разрушить так, чтобы выкорчевать все корни, все отрезки корней. Все институты России нужно будет создать заново. Ни одна из них не стоит того, чтобы быть сохранённой».

Но, больно задев русских, как трудно удержаться от издёвок над их величайшим поэтом! И Лимонова понесло. В лихо написанном литературном портрете Пушкина он вновь сбрасывает его с корабля современности, ёрнически оправдываясь, что поэт сам с него упал. Весь этот нигилистически выдержанный этюд (чуть было не написал «бред») из книги «Священные монстры» является, по сути, ремейком скандальных претензий футуристов в начале XX века. Так чем же не угодил Лимонову Пушкин? А тем, оказывается, что «знал только убогую помещичью русскую жизнь», что «самостоятельность в выборе тем и сюжетов стала проявляться у него лишь в последние годы», что «оставлял за скобками всё, связанное с жизнью пола, с сексуальными переживаниями». На первые два упрека и отвечать не стоит, такой это вздор. Что касается претензий к Пушкину по части сексуальных переживаний, то я думаю, некоторые моменты лучше оставлять за скобками. Не будем лишать читателя права на домыслы.

«Я хотел сказать только, что все мысли, которые имеют огромные последствия, — всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь так просто».

(Пьер Наташе в эпилоге романа «Война и мир»)

Когда-то рассуждение Льва Толстого от лица одного из героев его книги не вызывало у меня вопросов. Они появились позднее, в связи с трагической судьбой СССР.

«Людам честным надо сделать только то же самое. Ведь так просто».

Просто ли? Не думаю. Честные, то есть законопослушные обыватели тяжелы на подъём, без толкача не обойтись. Кто выполняет эту работу? Либо представитель власти, либо самозванец. Да и вообще объединение честных (в относительном смысле, конечно) — вещь крайне зыбкая. Вчера были вместе и обнимались, сегодня косятся друг на друга. Но есть абсолютные злодеи, крутовые порку которых в наш век цветных революций и политлоунады разорвать почти невозможно. Для Толстого с его всеобъемлющим умом было бы нанимать объяснение исторических событий через антагонизм порочных и честных. Для Пьера Безухова, — когда он в самоупоении (к тому же стоящая рядом жена вдохновляет) вообразил себя миссионером, «призванным дать новое направление всему русскому обществу и всему миру», — наивность эта вполне естественна и психологически обоснована автором «Войны и мира».

Александр Пауткин.

Адвокатское
АБ юри

специальный проект
Литература
и адвокатура

№ 1
2019 г.

Адвокаты-литераторы (слева направо): Эдуард Шмельяков, Семён Золотухин, Александр Золотухин, Владимир Самаролов, Алта Селивёрстова, Ольга Бондарева, Владимир Селивёрстов.

Досужие размышления

По существу, все мы — адвокаты, прокуроры, палачи и сочинители в одном лице. Таков уж человек. Защищаем тех, кого любим, родных и близких — хороших или плохих. Обвиняем дальних, врагов и просто тех, кого ненавидим, — хороших или плохих. Сочиняем про людей всякие небылды, пасквили, доносы и распускаем сплетни, выдумки, иногда, как говорят юристы, «добросовестно заблуждаясь». Приговоры выносим людям легче и суровее, чем сталинские «тройки». Часто приходится слышать: «Я бы этого гада убил». Всё же адвокат не всегда по таланту, но по призванию и долгу службы — литератор. Он вынужден сочинять жалобы, ходатайства, защитительные речи. Сколько у каждого защитника речей в прениях, столько и маленьких рассказов, эссе и повестей. Правда, чем дальше в современность, тем меньше остаётся места для творческого начала.

Недавно в процессе с участием присяжных заседателей председательствующий несколько раз прерывал мои литературные изыски, возвращая к сути обвинения, мотивируя тем, что я таким образом воздействую незаконно на жюри присяжных, склоняя их на свою сторону, хотя я всего-навсего углубился в психологию мотивов и причин, побудивших моего подзащитного убить человека. Таким образом, судья убивал творчество и литературу в моей защите. Эти понятия почти изгнаны из правосудия вообще и из уголовного процесса в частности. Какую же красивую речь ты ни произнёс в прениях, она не возьмёт на судью никакого влияния и воздействия. В УК и УПК всё разложено по полочкам, и, как говорится, «шаг в сторону, шаг вверх считается за побег». А как красиво всё начиналось после

судебных реформ конца девятнадцатого века. Адвокаты — присяжные поверенные были элитой общества. Ими могли стать только лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, прослужившие не менее пяти лет в должности, позволяющих накопить должный практический опыт (работа в судебных департаментах, в помощниках у адвокатов).

Составители Судебных уставов видели образцового адвоката в том, кто демонстрировал «верные речительства знания, нравственности и честности убеждений». В то время в России насчитывалось 16,5 тысячи адвокатов. На речи защитников, как на литературные слушания, стекались толпы. Их пересказывали, цитировали, запоминали наизусть. Это была устная литература. Достаточно вспомнить судебные речи Плевако, Стасова, Спасовича, Андреевского, Кони, Леви.

Размышления на тему адвокатуры, литературы и злодеяния наводят на воспоминания о присяжном поверенном Тамбовского Округного суда Луженовском Александре Николаевиче, талантливым литераторе и юристе. Судьба его отражает расхожую мысль о неисповедимости судеб человеческих. Он был блестящим судебным оратором. Студенты, гимназисты, светские дамы бежали слушать его образные, впечатляющие речи, вызывавшие бурные эмоции. Когда он выступал, зал всегда был полон, как на концерте известного артиста. Это был родовой тип, породистый, могучий красавец с русыми волнистыми волосами и чертами лица, напоминавшими князя Александра Невского. Его устное литературное творчество записывалось и передавалось в списках среди просвещённой молодёжи

Тамбова. Был он кумиром и гимназистки Марии Спиридоновой, обожавшей его и не пропускавшей ни одного суда с его участием. Через три года на Борисоглебском вокзале она выстрелил в него в упор из револьвера Нагана пять отравленных пуль. Любовь к всемирному равенству окажется сильнее первой девичьей любви. Она убьёт «главного кровавого работника» — вице-губернатора, виновного в убийстве многих крестьян Тамбовской губернии, которых он когда-то бесплатно защищал от беззакония властей. Он во главе казачьей сотни Войска Донского мечом и огнём усмирлял и подавлял восстание в селах губернии, сопровождавшее гибелью десятков дворян, их управляющих и имений. Государство обязано было бороться с организованной преступностью. Печальная повесть о братьях адвоката-эсера Вольских, принимавших клиентов в самом центре Тамбова, на Долевой. Один из них, Казимир, Октябрьскую революцию 1917 года не принял и яростно дискутировал в губернской газете с большевиком Козловским, награждённым орденом Боевого красного Знамени самим Львом Троцким. Статьи Вольского — талантливая литература. Судьба примирима коммуниста и эсера в одном из лагерей ГУЛАГа, где они встретились через много лет, будучи осужденными по знаменитой 58 статье УК РСФСР. Сохранились воспоминания обоих. Говорят, история не терпит сослагательного наклонения, но она терпит наклонение сострадательное. Я благословляю выпуск этой газеты и уверен, что она послужит началом рассказам о тамбовских юристах.

Владимир Селивёрстов.

сентябрь 2019 года.

«Здравствуй, моя книга! Я вернулся...»

Недавно у юриста-практика **Константина Попова** вышла книга «Просто К.А. Попов». Это событие и стало поводом для нашей беседы.

— **Константин Анатольевич, прежде чем мы поговорим о вашей книге, хотелось бы узнать, что побудило вас выбрать профессию юриста?**

— Моя профессиональная деятельность во многом связана с мифами, которые так или иначе присутствуют в работе юриста. Люди склонны верить в мифы, я бы сказал, что они им жизненно необходимы. Обращаясь к врачу, мы верим в то, что он может вылечить все болезни, политик, например, знает ответы на все вопросы, так и юрист. В определенный момент успешной карьеры люди думают, что он может «выиграть» любое дело...

Миф в том, что я никогда не хотел стать юристом, и лишь череда случайных обстоятельств в итоге сделала меня тем, кем я сейчас являюсь. Но сейчас я оглядываюсь в прошлое и понимаю, что в жизни не бывает случайностей. Моя карьера юриста началась с того момента, когда мои большие увеличительные очки утонули в реке и я с трудом дотопал до берега и на следующий день решил сделать операцию на глазах. После этого я уже не мог продолжать свою профессиональную деятельность в качестве регулировщика радиоаппаратуры. Год я привыкал к свету в темной комнате после неудачной операции на глазах. После этого пришло осознание, что надо что-то поменять в своей жизни. Случайно прочитав на столбе объявление о наборе, я стал абитуриентом юридического факультета.

В тридцать лет начался мой осознанный профессиональный творческий старт в налоговой инспекции. И там судьба должна была предоставить мне возможность, дать дела, как некоторые коллеги говорят, «репутационные», но я предпочитаю слово «мифические», которое создаёт некий ореол загадочности в определении.

В юридическом отделе налогового управления, где я работал, мне было распределено дело одной компании, занимающейся застройкой, при углубленном изучении которого я понял, что речь идет о хитрой схеме скрытия и неуплаты налогов на миллионы рублей. Я бы мог сделать вид, что не увидел все болезни, политик, например, знает ответы на все вопросы, так и юрист. В определенный момент успешной карьеры люди думают, что он может «выиграть» любое дело... Уже две тысячи лет назад прописаны были в одной известной книге. В судебном разбирательстве я устно заявил о фальсификации доказательств и раскрыл хитрую схему неуплаты налогов. Вскоре последовала прямая словесная угроза, которая через какое-то время была воплощена самым наглым образом.

Утром, когда я шел на работу, неизвестный нанес мне удар из-за спины по голове предметом, похожим по своим внешним характеристикам на битку. Я увидел этого человека, даже погнался за ним, но безрезультатно. Травма оказалась довольно серьезной. Пришлось лечь в больницу, где я находился под государственной охраной. Последовало заявление от меня с указанием всех виновных лиц, но возбудили уголовное дело лишь по факту хулиганства.

В суде дело по неуплате налогов приостановили, хулигана, напавшего на меня, не нашли... Работу пришлось сменить, но не профессию. Я продолжаю «борьбу», иногда вспоминая себя молодым налоговым инспектором. Это определенный опыт.

— **Но в вашей практике немало случаев и торжества правосудия. Например, весной этого года вы одержали победу в Верховном Суде Российской Федерации.**

— На самом деле каждая победа, тем более в Верховном Суде, — итог тяжелой и кропотливой работы. Иногда годы уходят на то, чтобы найти верное решение. Главное — искать, когда многие думают, что уже ничего невозможно сделать, но ты рисуешь свои смысловые и юридические квадратики и вдруг начинаешь видеть свет в конце туннеля.

— **В своей книге «Просто К.А. Попов» вы также нарисовали немало смысловых квадратики.**

— Книга является некоей провокацией. На протяжении 25—35 лет я делал кое-какие записи, формулировал мысли, вел дневники и так далее. Лист бумаги мне помогал в изучении людей, ситуаций, себя, чтобы в чем-то разобраться, понять, может

быть, предостеречь себя от необдуманных действий. И к своему 50-летию юбилею решил все свои записи собрать под одной обложкой. Книга, на мой взгляд, получилась творчески смелой и откровенной. Но лучше книгу прочитать, чем о ней говорить.

— **Не ходите стать настоящим писателем?**

— Как ни странно, моя мечта — меньше профессиональных успехов, меньше профессиональной работы, а больше того, что связано с творчеством. А вот в какой форме? Думаю, что это будет «слово». Творчество для меня — это самопознание. Однажды я нарисовал маленькую картину, состоящую из квадратиков размером миллиметр. Чтобы её закончить, мне понадобилось не менее шести часов. Никто не понимал, что это, пока я не раскрыл код. Эта картина называется «Любовь». Для её постижения и осознания необходим кропотливый труд.

— **Константин Анатольевич, примите наши поздравления с полувекровым юбилеем, желаем вам творческих и профессиональных успехов!**

Владимир Самородов.

Вырезки из книги «Просто К.А. Попов»

- Что значит «раствориться в толпе»? Похоже на «творить для толпы».
- Почему никто не обижается на воду, что она мокрая, но раздражаются по поводу скользкости Попова.
- Улыбнуться врагу. Как это? Как можно ласковой и нежной, будто бы нажимая в этот момент на курок автомата.
- Миром правят юристы, в том смысле, что без нас мировые соглашения не заключаются.
- Лучше поставить на правильный путь, чем вывести на чистую воду.
- Если смотреть на мир моими глазами, то понедельник — это продолжение воскресения.
- Когда угроза оппонента сменяется на стон, близка победа.
- Старость делает людей человечнее, а я вечно молодой.
- Чтобы просто жить, надо умирать на работе.
- Думайте две недели, пишите неделю, три дня перечитывайте, день собирайте, а на следующий лично подайте, после чего сильно надейтесь, что Ваш иск будет удовлетворен, засыпая с мечтой и просыпаясь с верой в справедливость.
- Расскажу тебе загадочную историю. Ко мне в гости пришел стол. Он встал посередине и стал молчать. Я рассказал ему о себе, своих друзьях, родных, любимых и влюбленных, но он продолжал молчать. Волнение охватило меня...
- После нескольких дней подобной тактики он все-таки скриннул... И всё! С того дня прошло уже несколько лет, но нам с ним так и не удалось ни о чем договориться. А жаль. Ведь я почти точно знаю, что внутри он очень добрый и отзывчивый стол... Продиктовано дефицитом общения...».
- Пусть враги будут у меня! Пусть! ... Но только не среди друзей.
- Люди надо мной смеются... Судьба же мне улыбается!
- «Здравствуй, Моя Книга! Я вернулся...»
- Признание: «Не могу обойтись без денег, но... пока в состоянии жить без их зарабатывания».
- Притча: «Одних людей по утрам будит Солнце, других... муха».
- Она думала, что умеет летать. Но это были всего лишь высокие каблуки.

Поиск истины Плевако

Не так давно вышла в свет книга (повесть) тамбовского адвоката **Эдуарда Викторовича Емельянова** под названием «Два дня в Ватикане».

Книга эта посвящена состоявшейся в 1904 году поездке выдающегося русского адвоката **Федора Никифоровича Плевако** в Рим, в Ватикан, к Папе Пию Десyatому.

Важно то, что книга написана адвокатом. Это свидетельствует о том, что и вообще в обществе, и в адвокатском сословии, в частности, существует как интерес к Ф.Н. Плевако и к пореформенной отечественной адвокатуре, так и запрос на благородство, честь, порядочность.

Хочется отметить, что повесть господина Э.В. Емельянова является по своему стилю и духу наследницей назидательных европейских и российских повестей восемнадцатого — начала девятнадцатого века.

Обращение автора к образу Ф.Н. Плевако — это и призыв к современным адвокатам брать пример с выдающегося присяжного поверенного.

Многие адвокаты были дворянами, в том числе и Ф.Н. Плевако. Господин Э.В. Емельянов, создавая образ Ф.Н. Плевако, тем самым побуждает современных адвокатов соответствовать своим предшественникам, высоко неся знамя Культуры, Права, Просвещения и Чести.

Интересно, что автор избрал для своего повествования малоизвестное и малоизученное событие из жизни Ф.Н. Плевако — его поездку в Ватикан. Однако нужно признать в то же время, что, кроме этой поездки, многое в жизни и деятельности Ф.Н. Плевако остается неизученным.

Общество более всего знает Ф.Н. Плевако — присяжного поверенного, представителя в гражданских и защитника в уголовных процессах, блестящего логика и оратора.

Менее известен он как общественный деятель и политик, помещик и землевладелец, предприниматель и просветитель. Еще менее известна его частная и семейная жизнь.

В этой связи еще многое предстоит узнать, открыть, описать.

А что мы знаем о Ф.Н. Плевако — христианине?

Совсем мало, почти ничего. Господин Э.В. Емельянов открывает нам Ф.Н. Плевако — христианина.

Автор не стал описывать своего героя в его рабочей обстановке, в чередке дней и дел, в судебной сутлолке, в коридорах и залах судов.

Автор описал человека, ищущего истину, вдохновленного идеей.

Древняя пословица гласит: «Все дороги ведут в Рим».

Для автора и его героя дорога в Рим, дорога в Ватикан — это поиск истины.

Ф.Н. Плевако едет в Ватикан, к Римскому Папе. Зачем он это делает?

Автор отвечает на этот вопрос в эпилоге повести: «Цель посещения Ватикана была не коммерческая выгода или прось-

ба высокопоставленных лиц, а неравнодушие думающего христианина к происходящему в стране и мире».

Неравнодушие думающего христианина...

Не только думающего, но и действующего. Как человек «мыслящий, мудрый и радующий за мир и Отечество», Федор Никифорович Плевако, видимо, чувствуя, что Россия и Европа стоят на пороге грандиозных политических событий, решил действовать — ехать в Ватикан, узнать обо всем, что может быть, что может случиться, побеседовать с Папой, донести до него позицию думающих и действующих христиан России, своеобразным посланцем от являлся.

С мечтой, с думой о всеобщем христианском мире приехал адвокат к Папе в Ватикан. Но и не только с этим. Он приехал и с личной ношей, с покаянием.

Беседа Папы и Ф.Н. Плевако касалась судеб мира и Европы, единства христианских церквей.

«Оба они видели, что мир действительно менялся, люди ожесточались, что-то злое витало над огромным материком».

Это «зловещее» скоро пришло — в виде Великой войны, Русской Революции, Гражданской войны, Большевиизма...

Как христианина, Ф.Н. Плевако волновало возвращение к первоосновам веры, он считал, что и католики, и православные могут быть вместе.

И это и есть идея повести, а она тесно связана с идеей христианского мира.

Мысли о последнем возникли у человека давно. Об этом задумывались

лучшие люди и в Средние Века, и в эпоху Возрождения, и в Новое Время, и в период войн с Наполеоном. Крупнейшими политическими выразителями этой идеи в России были императоры Александр Первый и Николай Второй.

Позднее ее выразителями стали Петр Чаадаев, Михаил Лунин, Владимир Соловьев, Леонид Федоров.

Ф.Н. Плевако тоже может считаться одним из них, тех людей, которые видели Христианство единым.

Отмечу, что пространство повести, созданное пером господина Э. В. Емельянова, очень гармоничное, я бы сказал, там читателю весьма уютно. Среди персонажей и героев повести, больших и малых, приятно находиться.

Автором создана целая галерея, перед читателем срез российского и европейского общества начала двадцатого века. Это и Папа Пий Десятый, и Ф.Н. Плевако, и его супруга, и А.П. Чехов (изображенный очень деликатно), также с супругой, и присяжный поверенный из Тамбова католик К.К. Вольский, и кучер Яков со своей Агафьей, и шофер Луиджи, и фармацевт Томас, и семинарист Марк, и продавец табака, и прекрасная скрипачка, исполняющая Рахманинова.

Среди этих персонажей нет отрицательных. Хотя на страницах повести появляются революционеры, стремящиеся агитировать адвоката и предложить ему «Искру» для распространения. Однако они скорее комичны, нежели отрицательны, и в чем-то даже милы, особенно один из них, немного смахивающий на В.И. Ленина.

Эта особая встреча произошла именно в Ватикане, в Риме, в сердце Христианского мира. От Незнакомца Ф.Н. Плевако получает и отпущение грехов, и ободрение, и напутствие, и благословение — иметь Бога «в себе самом», «свершать добро во Славу Божию», «просить милость за чад, на Господа уповающих», жить «с твердой верой».

Уезжал из Ватикана адвокат Ф.Н. Плевако с осознанием исполненного долга — он сделал все, что мог.

Автор также достиг своей цели, сделал все, что мог, — приблизил к нам Ф.Н. Плевако.

Встреча адвоката с Незнакомцем в Папских садах — одна из важнейших сцен повести. Незнакомец не имеет имени, фамилии и звания, но он тесно связан с Потусторонним, с Небом, он имеет Власть Незримую.

Эта особая встреча произошла именно в Ватикане, в Риме, в сердце Христианского мира. От Незнакомца Ф.Н. Плевако получает и отпущение грехов, и ободрение, и напутствие, и благословение — иметь Бога «в себе самом», «свершать добро во Славу Божию», «просить милость за чад, на Господа уповающих», жить «с твердой верой».

Уезжал из Ватикана адвокат Ф.Н. Плевако с осознанием исполненного долга — он сделал все, что мог.

Автор также достиг своей цели, сделал все, что мог, — приблизил к нам Ф.Н. Плевако.

Эта особая встреча произошла именно в Ватикане, в Риме, в сердце Христианского мира. От Незнакомца Ф.Н. Плевако получает и отпущение грехов, и ободрение, и напутствие, и благословение — иметь Бога «в себе самом», «свершать добро во Славу Божию», «просить милость за чад, на Господа уповающих», жить «с твердой верой».

Уезжал из Ватикана адвокат Ф.Н. Плевако с осознанием исполненного долга — он сделал все, что мог.

Автор также достиг своей цели, сделал все, что мог, — приблизил к нам Ф.Н. Плевако.

Семен Золотухин.

Возвращение

Фёдор Никифорович Плевако, выдающийся и непревзойденный судебный оратор России, родился в 1842 г. в городе Троицке Оренбургской губернии Российской империи (ныне Челябинская область). Закончив в 1864 году юридический факультет Московского университета и став в 1870 году присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, он, обладая редкими способностями оратора, успешно применяя их в адвокатской деятельности, довольно быстро приобрёл известность, которая в скором времени вышла за пределы города Москвы.

По воспоминаниям Сергея Фёдоровича Плевако (старшего), сына Ф.Н. Плевако от первого брака: «Последнее лето 1908 г. отец, будучи больным, провёл в имении Пашино. Спокойная деревенская жизнь значительно укрепила его, и не только сам он стал верить в возможность выздоровления, но и домашние. Видя его бодрым и весёлым, стали забывать о роковом предсказании Берлинского эскулапа». Из Пашино он уехал в Москву, где и скончался 23 декабря 1908 г. (5 января 1909 г.).

Имение Пашино, находившееся в Козловском уезде Тамбовской губернии

(ныне село Вишнево Староурьевского района Тамбовской области), было куплено Ф.Н. Плевако 29 марта 1894 г. Необходимость покупки имения определялась потребностью его довольно большой семьи в загородном месте отдыха, а также в источнике дополнительного дохода. Кроме основного дома, в имении был разбит парк, в котором росли тополя, липы, сосны. Имелись оранжерея, конюшня и другие хозяйственные постройки. Был построен крахмальный завод.

Пятнадцатилетний период жизни и деятельности Ф.Н. Плевако непосредственно связан с Тамбовской губернией. Он не только был владельцем имения Пашино, но и активно занимался общественной, юридической, благотворительной деятельностью в Козлове и в Тамбове. Он был депутатом Козловского уездного и Тамбовского губернского земских собраний, где принимал активное участие в решении многих вопросов организации жизни в г.Козлове и Тамбовской губернии.

Ф.Н. Плевако глубоко пустил корни в тамбовскую землю. Сын Ф.Н. Плевако от второго брака Сергей Фёдорович Плевако (младший) примерно в 1904 г.

женился на крестьянке села Пашино Анне Емельяновне Артёмовой. От совместной жизни у них было четверо детей.

Имя Ф.Н. Плевако было не заслуженно забыто на Тамбовщине. Его любимый ученик, представитель «молодой адвокатуры» Н.К. Муравьев писал: «Публичная деятельность адвоката по свойству своему такова, что не фиксируется ввоне. Адвокат в этом отношении разделяет судьбу актёра: со смертью его ничего не остаётся, внешне характеризующего его деятельность, — «сошедший со сцены» адвокат исчезает в глубь времени в большинстве случаев в особенности в нашей стране, не оставляя после себя ничего, даже сборника своих речей, в которых воплощена значительная часть его жизни и творчества». Эту ситуацию можно отнести и к Ф.Н. Плевако. В настоящее время от основного дома имения Пашино остались только стены. Парк зарос, хозяйственные постройки и крахмальный завод разрушены, потеряно даже место, где они располагались. Стены основного дома имения — это единственно существующее в настоящее время материальное свидетельство пребывания Ф.Н. Плевако и его семьи на тамбовской земле.

Сегодня стараниями потомков Ф.Н. Плевако его имя и память о нём возвращаются к нам. В феврале 2016 г. по инициативе ТГУ им. Г. Р. Державина в институте права и национальной безопасности был открыт музей Ф.Н. Плевако, который в настоящее время является единственным в России. Музей располагается в одной из учебных аудиторий института. Экспозиция музея представлена фотографиями, картинами, архивными документами, вещами, которые рассказывают о различных периодах жизни и деятельности Ф.Н. Плевако: о семье в период его рождения; годах учёбы в Московском университете, окружении. Представлены архивные документы, которые свидетельствуют о покупке им и его семьёй имения Пашино и строительстве крахмального завода. В этой связи вызывает интерес представленный в музее макет основного дома имения, который был изготовлен преподавателями и студентами кафедры дизайна и изобразительного искусства ТГУ им. Г. Р. Державина и который даёт представление о том, каким был основной дом имения. В экспозиции нет вещей, которые бы лично принадлежали Ф.Н. Плевако и его семье, но представлены вещи периода его жизни и деятельности. К ним относятся: секретер конца XIX века, американская пишущая машинка «Remington», аналогично которой, по воспоминаниям потомков, пользовался Ф.Н. Плевако одним из первых в Москве, газеты и книги. Экспозицию удачно дополняет фрак адвоката, который была рабочей одеждой присяжных поверенных. К последним приобретениям музея относится полуценный музей в дух кабинетный роаяль

«J. Besker». В окружение Ф.Н. Плевако входили такие выдающиеся личности его времени, как В.А. Собинов, певец Ф.И. Шаляпин, вероятно, и С.В. Рахманинов.

В ноябре 2017 г. в городе Тамбове на здании бывшего губернского окружного суда, где Ф.Н. Плевако работал в качестве присяжного поверенного, по инициативе ТГУ им. Г. Р. Державина, адвокатской палаты Тамбовской области, нотариальной палаты Тамбовской области была открыта мемориальная доска, посвящённая ему. 27 июля 2019 г. Советом по рассмотрению предложений о наименовании, переименовании объектов в г.Тамбове, присвоении муниципальным предприятиям, муниципальным учреждениям и объектам в г.Тамбове имён выдающихся людей Тамбовской городской Думы было поддержано предложение ТГУ им. Г. Р. Державина о присвоении имени выдающегося адвоката России, Тамбовского земского деятеля Ф.Н. Плевако одной из вновь образуемых улиц в перспективной застройке городского округа — город Тамбов.

Александр Золотухин.

Рисунок с сайта <https://www.advgazeta.ru/novosti/bayki-o-plevako/>

Байки о Плевако

В 1859 г. ректор Московского университета Дмитрий Андреевич Первозчиков вызвал к себе студента Плевака. «Что, голубчик, слышал, смеются над вами из-за фамилии? И в самом деле она у вас какая-то неоловая. А давайте-ка прибавим в конце «о»? Плевако! Это звучит гордо! Согласны? Так тому и быть!» Так студент Плевак получил новую фамилию Плевако, которую потом прославил своим кресторечием. В 1890-х гг. эта фамилия станет нарицательной, и простые люди, советуя товарищу обратиться к адвокату, будут говорить: «Найди себе Плеваку!»

В Сызрани Плевако защищал старушку, укравшую чайник. «Что я скажу в защиту этой несчастной женщины? Россия за тысячу лет перенесла немало бед и трагедий. Шел на нее Мамай, терзали ее печенеги, татары и половцы — устояла. Шел Наполеон с двунадесятью языками — выстояла! Много бед перенесла Россия. Старушка украла чайник. Этого Россия не вынесет, она погибнет безвозвратно». Старушку оправдали.

Судили старого священника, пропившего церковные доходы. «Господа присяжные! — сказал с поклоном Плевако. — О чем нам спорить? Подсудимый виноват. Подсудимый сознался. Но он тридцать лет подряд отпускал грехи ваши. Теперь вправе надеяться, что вы тоже отпустите ему один его грех». Батюшку оправдали.

Странный мальчик

шагов от костра. Он сейчас весь там, в пляшущих огоньках. Что видится ему в их отблесках?

Родной дом в льдином, заснеженном, завьюженном Арктическом переулке? Бассейн с голубой водой, куда привык ходить с папой два раза в неделю, где под привычными лампами дневного освещения столько всяких удовольствий — горки, фонтаны, души, не сравнимые со здешней какой-то дикой речкой с обрывистыми берегами, откуда с истошными воплями, улюлюканьем срываются один за другим по вниз головой, то «солдатиком» смуглые от солнца дети.

А может, он видит в жарких оранжевых лигунах костерка уютный свет домашней лампы, полочку своих любимых книг, где сплошь — фантастика, компьютерный мир игр, которыми запросто можно развлекаться в одиночку, без братика, без сестры. Их ведь уйма сейчас, таких игр.

Что-то ведомое одному только Жене, мальчику, приехавшему из Заполярья на каникулы сюда, в черноземную деревню, с любимой тетей, можно рассмотреть в пылающем клубами огня и дыма костре.

— Женья, пойдём обедать!

— Что?

Тетя Оля, плохо слышащая с тех самых лет, когда поварихой тонула на рыболовецком сейнере, думает, что племянник спрашивает её о меню предстоящего обеда. И добросовестно перечисляет, как на рапорте старшему помощнику капитана.

— Женьечка, там окрошечка со сметанкой, салатик с помидорками, лучком, огурчиками, Маша порешечка с котлетками. Сейчас и компотик будет готов с вишенками.

Женья хорошо воспитанный человек. Он знает, что неправильно свои личные желания противопоставлять общественным. И если сейчас вся дачная орда из девяти взрослых и четверых детей сидит за стол, то нельзя отказываться от совместной трапезы только потому, что ты не увидишь на тарелке любимую рыбу палтус, а в широкой и глубокой фруктовой вазе — любимые апельсины из Марокко, которых всегда полным-полно во всех торговых точках Мурманска.

Нет на столе привычных бананов и киви, и не выпешь тут любимый охлажденный мультифруктовый сок из жестяной консервной

Вот он стоит передо мной, весь такой вежливый, воспитанный, смиренный:

— Скажите, а можно я вот то подожгу?

Смотрю в направлении его незагорелой, потому что он и в жару ходит в рубашке с длинными рукавами, руки и холодно от ужаса.

— Женья! Да ты что? Это же стог сена, его наш сосед, дядя Лёша всё лето собирал, с косой не расставался. Спалешь скирд, чем он зимой бурёнку свою будет кормить?

И ещё раз недоверчиво поглядываю на мальчишку одиннадцати лет, не пошутил ли он насчёт поджога? Да нет, вроде Женья вообще шутить не умеет. С юмором у него, как мне кажется, серьёзные проблемы. Говорят, пацан этот весь в папу — главного врача большой больницы в далёком северном городе Мурманске.

Порой чтобы подразнить и тем самым хоть как-то вывести из вечно сонного оцепенения мальчишка Женью, я нарочно делаю ударение не на том слове, говоря Мурманск. Женья спокойно, не взвешиваясь, каждый раз поправляет: «Мурманск». И потом долго смотрит на меня: почему этот дядя, такой взрослый человек, не запомнит столь простое слово.

— Ладно, Женья, жги тот костёр. Смотри только, осторожнее, трава сухая, чтоб не полыхнуло. Возьми вон тяпochку, окопай ровик, чтобы огонь не побежал по сухостю.

Ага. Как же! Жди, окопает тебе Женья ровик. С тяпochки наперевес, обхватив её как можно несурзаней, он спешит к горке древесной коры, иссушенных ключев бурьяна, репейника, давней ботвы и шелухи — скорее зажечь весь хлам.

И какая там тяпка! Опершись на неё, Женья стоит, как зачарованный, пожирая пламя вразглом ставшими ещё больше кривизнами глазами, не обращая внимания на едкий прогорклый дым, от которого першит в горле даже за сто

можно я вот то подожгу?

Как зовётся «то» (сухой хворост), он не знает. Женья много чего не знает в отличие от местной детворы, значительно младше его по возрасту. Он не знает, что такое смородина. Не знает, как растут огурцы. Не отличает сливу от вишни. И мне очень часто становится так жаль этого мурманского мальчишка, настолько привыкшего к своему бессолнечному северному краю, что он не в состоянии здесь, сейчас, где летняя погода под стать раскалённой сковородке, расстаться со своими рубашенцами с манжетками на запястьях и переоблачиться хотя бы в ковбойку, не говоря о майке.

А окрестные сельские ватаги пацанят — вообще голопузые да всё босиком, несмотря на цыпчики на ногах. А Женья в носочках. Женья в кроссовках. Он и для дачи-то упакован чересчур. Но это его не тормозит, не смущает, ему так хорошо.

— Ладно, Женья, жги тот костёр. Смотри только, осторожнее, трава сухая, чтоб не полыхнуло. Возьми вон тяпochку, окопай ровик, чтобы огонь не побежал по сухостю.

Ага. Как же! Жди, окопает тебе Женья ровик. С тяпochки наперевес, обхватив её как можно несурзаней, он спешит к горке древесной коры, иссушенных ключев бурьяна, репейника, давней ботвы и шелухи — скорее зажечь весь хлам.

И какая там тяпка! Опершись на неё, Женья стоит, как зачарованный, пожирая пламя вразглом ставшими ещё больше кривизнами глазами, не обращая внимания на едкий прогорклый дым, от которого першит в горле даже за сто

банки. Как же ему не хватает этих ярких разноцветных, стеклянных, оловянных, пластмассовых банок и баночек, тубиков и флакончиков, которых такое изобилие в родной стороне.

Разве здешние громадные пластиковые сосуды «Бонаквы», «Кока-колы», солёной «Липецкой» воды способны заменить привычные напитки из мурманских магазинов, все сплошь расфасованные в маленьки незипные бутылочки под разноцветными пробками?..

«Ладно, есть всё равно что-то надо. Пойду. Посижу. А ещё через пять дней — домой. Ура!»

И он сидит за общим столом, чуточку отрешённый, чуточку отстранённый от всего, рядом полочку своих любимых книг, где сплошь — фантастика, компьютерный мир игр, которыми запросто можно развлекаться в одиночку, без братика, без сестры. Их ведь уйма сейчас, таких игр.

Что-то ведомое одному только Жене, мальчику, приехавшему из Заполярья на каникулы сюда, в черноземную деревню, с любимой тетей, можно рассмотреть в пылающем клубами огня и дыма костре.

— Женья, пойдём обедать!

— Что?

Тетя Оля, плохо слышащая с тех самых лет, когда поварихой тонула на рыболовецком сейнере, думает, что племянник спрашивает её о меню предстоящего обеда. И добросовестно перечисляет, как на рапорте старшему помощнику капитана.

— Женьечка, там окрошечка со сметанкой, салатик с помидорками, лучком, огурчиками, Маша порешечка с котлетками. Сейчас и компотик будет готов с вишенками.

Женья хорошо воспитанный человек. Он знает, что неправильно свои личные желания противопоставлять общественным. И если сейчас вся дачная орда из девяти взрослых и четверых детей сидит за стол, то нельзя отказываться от совместной трапезы только потому, что ты не увидишь на тарелке любимую рыбу палтус, а в широкой и глубокой фруктовой вазе — любимые апельсины из Марокко, которых всегда полным-полно во всех торговых точках Мурманска.

Нет на столе привычных бананов и киви, и не выпешь тут любимый охлажденный мультифруктовый сок из жестяной консервной

сжигающее с высоты небес сады, поля и огороды и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения им, людям с Большой земли, с материка. Там жизнь! Шпроты, досось, тунец в баночках-консервах, которые везут к радости пассажиров на тележках по вагонным коридорам тети из ресторана. А тут?

Отъезд будет уже скоро, меньше чем через неделю. Значит, нужно пока здесь потерпеть, давись в обед густым пышно взбитым картофельным пюре, не сравнимым с тем, домашним, легко проглатываемым — из порошка, залитого кипятком. Можно сделать вид, что тебе ужасно нравятся эти брызгающие соком при первом же надкусе яблоки белый налив с нежными янтарными щёчками, такими, как у обеденным шуткам, смеху, разговорами. Что-то ему подкладывает в тарелку добрая сказочная фея тети Оля. О чём-то без конца спрашивают его всякие-разные родственники, которых он никак не запомнит по именам-отчествам. С нескрываемой усмешкой в глазах норвят ему подсыпать соль в компот или мазануть горчицей по срезу сладкого пирога двоюродные чертенята - кто постарше, кто помладше. Женья всё это видит. Но молчит.

Потому что мыслями он уже там — в кулётном вагоне фирменного поезда, где только займёшь свой диванчик — тут же почувствуешь родное, желанное, близкое. Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столке строгие дачные тропы и тропиночки. Там молочные полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опалывающие, как здешние безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярлы. Что это за радость тут у них такая — солнце,

сжигающее с высоты небес сады, поля и огороды и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения им, людям с Большой земли, с материка. Там жизнь! Шпроты, досось, тунец в баночках-консервах, которые везут к радости пассажиров на тележках по вагонным коридорам тети из ресторана. А тут?

Отъезд будет уже скоро, меньше чем через неделю. Значит, нужно пока здесь потерпеть, давись в обед густым пышно взбитым картофельным пюре, не сравнимым с тем, домашним, легко проглатываемым — из порошка, залитого кипятком. Можно сделать вид, что тебе ужасно нравятся эти брызгающие соком при первом же надкусе яблоки белый налив с нежными янтарными щёчками, такими, как у обеденным шуткам, смеху, разговорами. Что-то ему подкладывает в тарелку добрая сказочная фея тети Оля. О чём-то без конца спрашивают его всякие-разные родственники, которых он никак не запомнит по именам-отчествам. С нескрываемой усмешкой в глазах норвят ему подсыпать соль в компот или мазануть горчицей по срезу сладкого пирога двоюродные чертенята - кто постарше, кто помладше. Женья всё это видит. Но молчит.

Потому что мыслями он уже там — в кулётном вагоне фирменного поезда, где только займёшь свой диванчик — тут же почувствуешь родное, желанное, близкое. Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столке строгие дачные тропы и тропиночки. Там молочные полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опалывающие, как здешние безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярлы. Что это за радость тут у них такая — солнце,

сжигающее с высоты небес сады, поля и огороды и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения им, людям с Большой земли, с материка. Там жизнь! Шпроты, досось, тунец в баночках-консервах, которые везут к радости пассажиров на тележках по вагонным коридорам тети из ресторана. А тут?

Отъезд будет уже скоро, меньше чем через неделю. Значит, нужно пока здесь потерпеть, давись в обед густым пышно взбитым картофельным пюре, не сравнимым с тем, домашним, легко проглатываемым — из порошка, залитого кипятком. Можно сделать вид, что тебе ужасно нравятся эти брызгающие соком при первом же надкусе яблоки белый налив с нежными янтарными щёчками, такими, как у обеденным шуткам, смеху, разговорами. Что-то ему подкладывает в тарелку добрая сказочная фея тети Оля. О чём-то без конца спрашивают его всякие-разные родственники, которых он никак не запомнит по именам-отчествам. С нескрываемой усмешкой в глазах норвят ему подсыпать соль в компот или мазануть горчицей по срезу сладкого пирога двоюродные чертенята - кто постарше, кто помладше. Женья всё это видит. Но молчит.

Потому что мыслями он уже там — в кулётном вагоне фирменного поезда, где только займёшь свой диванчик — тут же почувствуешь родное, желанное, близкое. Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столке строгие дачные тропы и тропиночки. Там молочные полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опалывающие, как здешние безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярлы. Что это за радость тут у них такая — солнце,

сжигающее с высоты небес сады, поля и огороды и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения им, людям с Большой земли, с материка. Там жизнь! Шпроты, досось, тунец в баночках-консервах, которые везут к радости пассажиров на тележках по вагонным коридорам тети из ресторана. А тут?

Отъезд будет уже скоро, меньше чем через неделю. Значит, нужно пока здесь потерпеть, давись в обед густым пышно взбитым картофельным пюре, не сравнимым с тем, домашним, легко проглатываемым — из порошка, залитого кипятком. Можно сделать вид, что тебе ужасно нравятся эти брызгающие соком при первом же надкусе яблоки белый налив с нежными янтарными щёчками, такими, как у обеденным шуткам, смеху, разговорами. Что-то ему подкладывает в тарелку добрая сказочная фея тети Оля. О чём-то без конца спрашивают его всякие-разные родственники, которых он никак не запомнит по именам-отчествам. С нескрываемой усмешкой в глазах норвят ему подсыпать соль в компот или мазануть горчицей по срезу сладкого пирога двоюродные чертенята - кто постарше, кто помладше. Женья всё это видит. Но молчит.

Потому что мыслями он уже там — в кулётном вагоне фирменного поезда, где только займёшь свой диванчик — тут же почувствуешь родное, желанное, близкое. Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столке строгие дачные тропы и тропиночки. Там молочные полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опалывающие, как здешние безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярлы. Что это за радость тут у них такая — солнце,

Арпанский Валерий — заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России. Выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета. В печати трудится около полувека — корреспондент и собственный корреспондент городской и областной газет, главный редактор печатных изданий, генеральный директор Издательского дома, в настоящее время — заместитель генерального директора Издательского дома «Ижичуринск». Автор 17 книг художественной и документальной прозы. Печатался в «Роман-газете», журналах «Польдьё», «Александр», «Имя молодёжь», тамбовских альманахах, по многим коллективным сборникам и в периодике. Лауреат ряда престижных литературных премий, удостоен государственных и ведомственных наград, член редколлегии журнала «Польдьё» и Совета Тамбовской областной общественной палаты. Живёт в Ижичуринске-научгородке.

Уважаемые коллеги!

Готовится к выходу второй выпуск научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования», который является академическим и вузовским юридическим научным журналом широкого теоретического и прикладного профиля.

Редакционная коллегия ежегодника приглашает теоретиков и практиков юриспруденции к сотрудничеству и предоставляет возможность опубликования в очередных выпусках издания научных статей, отражающих результаты осуществляемых фундаментальных и прикладных научных исследований в области государства и права.

С уважением главный редактор научно-образовательного ежегодника, доктор юридических наук Василий Владиславович Трофимов.

В начале 80-х годов прошлого столетия мой отец Николай Федорович Денисов возглавлял в Тамбове общество слепых. Он хорошо знал коллекционера Николая Никифорова, который в те годы от общества «Знание» часто читал лекции в этой организации.

В то время я уже серьезно увлекся собирательством. Конечно, мне было интересно и, признаюсь, лестно познакомиться с «городской достопримечательностью». Отец и представил меня Николаю Алексеевичу. С тех пор началось наше общение, которое продолжалось вплоть до его смерти.

1
Признаюсь, сначала не понимал его мотивацию собирательства. В доме НАНа — так звали его друзья — наряду с артефактами хранились какие-то записочки, лоскутки, веревочки, гвозди, любительские рисунки и прочая, как тогда казалось, никому не нужная мелочевка.

— Николай Алексеевич, зачем вы собираете весь этот хлам? — не удержался и однажды его спросил.

Его ответ, по сути, перевернул представление, если хотите, философию моего собирательства.

— Человек, который дарит тебе вещи, зачастую важнее самого предмета, но они помогают мне сохранить в памяти образы людей, с которыми мне довелось когда-то общаться или встречаться, — приблизительно так тогда высказался мой наставник.

2
Поэтому незначительные с точки зрения материальной ценности вещи больших людей и составляли основу его собирательства. Кстати, в его коллекции были карандаши, принадлежавшие писателям Льву Кассилю и Александру Солженицыну, а также карикатуристу Херлуфу Бидструпу, чашка, из которой пила чай Анна Ахматова, табуретка художника Александра Герасимова, гвоздь из последней пристанища поэтессы Марины Цветаевой, суворовский рубль, перстень Шалипина и так далее и так далее — всего не перечислить.

Никифоров, по сути, коллекционировал человеческие отношения. И чем выше полюс недоступности человека, тем приятнее было получить от него знак внимания, который мог быть выражен в авторгафе на клочке бумаги, копеечном значке, книге и так далее. Иными словами, он шел от личности к артефакту.

Кстати, Никифоров не очень любил слово «коллекционер», он предпочитал называть себя собирателем. Некоторые журналисты в те годы веровали, что он собирает имен. И это верно.

Своим обаянием Николай Алексеевич брал целые города. Мог расположить к себе неразговорчивых, зачастую скупых на чувства и отдачу людей. Как он это делал, для меня загадка до сегодняшнего дня. Слово под гипнозом, люди открывали свои потаенные ящички, судачки и делились с коллекционером артефактами, в том числе и ювелирными изделиями. И не жалели об этом! Более того, многие поэты, художники, артисты, не дожидаясь прихода Никифорова, передавали свои архивы коллекционеру, полагая, что лучшего хранителя их наследия просто не существует.

Ему дарили Ардов, Никулин, Райкин, Николаев (клоун), Давид Бурлюк...

Писатели и вовсе боготворили Никифорова. У меня хранится подписной лист, на котором расписались все участники очередного съезда Союза писателей СССР. Этот ни к чему не обязывающий документ предназначался для коллекции НАНа. Если не ошибаюсь, это было в 80-е годы. Правда, внизу есть приписка Николая

Глазкова: «Автографы оставили все, от- казался лишь поэт Егор Исаев».

В коллекции Никифорова свыше тысячи автографов писателей, художников и других видных личностей.

На мой взгляд, самое важное качество Никифорова в том, что он прозрел великое будущее в судьбах людей. Одни из них были еще молоды, другие по определенным причинам не признавались официозом и были задвинуты куда-то на задворки культурной жизни страны, а то и вовсе преданы забвению. Но НАН верил и знал, что счастливый час для настоящего и неординарного таланта рано или поздно настанет.

3
Без преувеличения можно сказать, что Николай Никифоров стал в искусстве крестным отцом для Анатолия Калашникова (1830 — 2007), художника-графика с мировым именем. Стараниями коллекционера в начале 60-х годов в тамбовском доме художников была организована первая персональная выставка начинающего графика. С этого момента и началось его восхождение на Олимп. Калашников первый русский художник, избранный почетным членом Королевского общества художников-графиков Великобритании, награжден именной серебряной медалью папы Иоанна Павла II. К тому же он заслуженный художник РСФСР.

Известно, что Анатолий Калашников автор гравюр на дереве для почтовых марок и экслибрисов, но не все знают, что облучил его любовью к экслибрисам Николай Никифоров.

Сохранилась обширная переписка между художником и коллекционером. Судя по тону писем, Анатолий Иванович относился к Николаю Алексеевичу как к наставнику, учителю.

Не будет преувеличением сказать, что Тамбов в 60—70-е годы прошлого столетия был одним из центров культуры экслибрисов. Именно Никифоров стал прародителем эпохи возрождения движения маографистов. Более пятидесяти процентов находящихся в коллекции Никифорова экслибрисов инициировал сам тамбовский коллекционер. НАН нередко и сам пробовал что-то нарисовать. Не берусь судить о художественных достоинствах его экслибрисов, но они сегодня интересны как культурное явление.

Его бесчисленные корреспонденты в СССР и за рубежом получали пакеты экслибрисных оттисков, соответственно он был на обратной связи.

К слову сказать, НАН пытался реанимировать культуру визиток, персональных печаток, зачастую с легкомысленными текстами, а также вводил в оборот именные почтовые конверты и открытки с портретными изображениями. Он любил графическое искусство в различных его проявлениях.

В этой связи хочется рассказать о дружбе Никифорова еще с одним выдающимся художником — Георгием Карловым (1905—1991). Он также по просьбе Никифорова создавал свои фирменные

экслибрисы, где неизменно царили львы, кошки или зайцы. Георгий Карлов известен как мастер в изображении животных. Он проиллюстрировал, если не ошибаюсь, более ста книг для детей в издательствах России, Украины и Молдавии. Но на момент их знакомства Карлов с трудом пробивал себе дорогу в жизни и творчестве. Николай Алексеевич, понимая, что Карлов самобытный художник, делал все возможное, чтобы его имя вошло в анналы книжного искусства СССР. И ему это удалось. Карлов часто приезжал в Тамбов, но личного общения им не хватало, друзья переписывались более двадцати лет, каждое письмо Георгия Карлова проиллюстрировано дружеским шаржем или карикатурой. Так была создана целая галерея шаржированных портретов Никифорова.

Карлов был небольшого роста, мощного телосложения. Его за глаза называли комодом. Никифоров, напротив, — высокий и нескладный. Его любя прозвали Коля-раскладной, он знал об этом, но никогда не обижался. Он был узнаваем, что было для него более важным. Карлов в своих воспоминаниях писал: «Идут по Арбату к Коле Глазкову Комод и Оглобля...»

Все это говорит о том, что Никифоров любил гротеск, обладал потрясающим чувством самоиронии. Знал, что говорить и в какой аудитории, он легко находил общий язык с партийным боссом и дворовой шпаной.

4
НАН обладал обширными познаниями, по сути, был человеком дореволюционной культуры. Чувствуя некоторое интеллектуальное превосходство, он позволял себе пофантазировать, когда выступал перед псевдоинтеллектуальной провинциальной публикой, которая воспринимала его легенды за чистую монету. Причем все эти мифы мгновенно тиражировались, некоторые из них дожили и до сегодняшнего дня. Да и сам Николай Алексеевич творил себя как легенду, создавая образ некоего чудака.

Однажды он появился на центральной улице Тамбова сидящим на живом осле в костюме Ходжи Насреддина. Собрал вокруг себя толпу зевак, немало озадачив местную власть, которая толком не знала, как реагировать на выходку «городского сумасшедшего».

Да, Никифоров обожал эпатировать провинциальный Тамбов. Зимой ходил на лыжах и катался на беговых коньках в костюме пловца, то есть в одних плавках. Он занимался моржеванием, первым открывал купальник сезон в городской речушке Цне. Много лет в Тамбове возглавлял спортивное общество «Спартак». В каких обществах он только не состоял! Некоторые создавал сам. Никифоров был организатором городских елок, часто исполнял роль Деда Мороза.

По духу ему близок уникальный, но в 40—50-е годы опальный поэт Николай Глазков, который не только сочинял парадоксальные стихи, отдельные строки из которых были расхвачены на цитаты, но и прославился актером (снялся в фильмах), шахматистом (играл на равных с

Экслибрисы Николая Никифорова.

гроссмейстерами), энциклопедистом, ширкачом — силачом (любил ставить необычные рекорды), моржом...

Николай Никифоров хлопотал как мог за своего друга, писал письма в издательства, организовывал творческие вечера в Тамбове...

Коллекционер понимал, что Глазков — уникальное культурное явление, которому необходимо помочь прервать вынужденное молчание. Поэта не печатали до 1957 года. Кстати, первая официальная публикация, стараниями друзей, состоялась именно в Тамбове в газете «Комсомольские знамя».

Николай Глазков не был диссидентом, но поэтическая игра с идеологическими канонами ставила его в прямую оппозицию к официальному канону. Поэтому власти опасались его творчества. Отчаявшийся Глазков распространил эти стихи в виде самодельных книжек, на обложках которых стояло слово «Самсебиздат». Позднее поэт его сократил, превратил в «Самиздат», став изобретателем этого знаменитого термина, точнее, культурного феномена. Сохранилась не только объемистая переписка между друзьями, но и множество посвящений, поздравлений, пародий, самиздатских брошюр — вещдоки их долгой дружбы.

С Николаем Глазковым и Николаем Никифоровым дружил поэт-палиндромист Николай Ладыгин. Сегодня он при-

Собрание имен Николая Никифорова

Бродский, Александр Солженицын... Все эти факты сегодня известны, но мало кто знает, что Никифоров после смерти Ахматовой стал обладателем части её архива.

4
Смех — это еще и объединяющая сила. Поэтому НАНу легко было найти общий язык с комиками на сцене и в жизни.

Но дружба предполагает равные отношения. Поэтому Никифоров, не стеснясь, отвечал на перечные шутки Юрия Никулина. Это была своеобразная эпистолярная дуэль, кто кого перешутит. Артиста так увлекла переписка с коллекционером, что, несмотря на загруженность, великий мастер цирка и кино отправлял своему другу ежедневные отчеты о съемках фильма «Кавказская пленница». На одной из своих фотографий, которую Никулин однажды прислал НАНу, есть примечательная запись: «Коля! С тобой светло!»

И это попадание в точку! Никифоров любил солнце, верил, что небесное светило — основа жизни на земле, но он не был огнепоклонником, язычником — просто светлым человеком.

Никифоров сумел обаять и Аркадия Райкина. Известный артист как-то сокрушался в своем письме: «Сижу в гримерке уставший и измотанный, но зачем тебе пишу и сам не знаю...» Не ругайся за точность цитаты, но смысл верен.

Леонид Утесов после смерти жены сообщил всем друзьям, в том числе и Никифорову, что не может вести с ними переписку, настолько он убит горем, но буквально через месяц в почтовом ящике коллекционера лежало от него очередное письмо.

Николай Никифоров, как и большинство писателей, артистов, художников, с которыми он дружил, — представитель так называемой смеховой или карнавальной культуры. Юмор, гротеск, пародии — все это реакция на те или иные способы порабощения человеческой и творческой свободы, попытка отторгнуть деспотизм в любом его виде. Нет, это не социальный и политический протест. Это способ самосохранения личности, глубже — народа, в условиях культурной, нравственной, жизненной духоты. Карнавальная культура — это знанка официоза, свержение искусственно раздутых авторитетов, пересмотр устоявшихся ценностей.

Никифоров, по сути, своим собирательством проповедовал свободу творчества и самовыражения.

Но под маской шута скрывался принципиальный и мудрый человек, при необходимости Никифоров мог открыто сказать человеку все, что он о нем думает. Принципы для него — не пустой звук.

Вообще хватка у Никифорова была железная, при необходимости он мог забраться на любой чердак, достучаться до самого высокого начальства...

Однажды к его дому протянули провода правительственной связи! Небывалый случай для провинциального Тамбова. В тесной комнате, забитой артефактами, книгами, скульптурами, сидели три

человека: хозяин дома Николай Никифоров, первый секретарь обкома КПСС и еще один представитель, как сейчас говорят, силовых структур. Все они замерли в ожидании телефонного звонка от самого Хрущева.

Точно передать содержание разговора не берусь, но диалог был приблизительно следующий.

— Здорово, Николай! — раздался голос первого секретаря ЦК КПСС.

— Здорово, Никита Сергеевич, — ответил невозмутимый Никифоров.

— А я тебя помню! Ты выступал на фронте с концертной бригадой. Что там у тебя в Тамбове случилось? — спросил хозяин Кремля.

— Спасибо за звонок, Никита Сергеевич, все вопросы мы уже решили, — доложил коллекционер.

— Вот и хорошо. Если что, звони, — закончил разговор Хрущев.

Наверное, не стоит долго говорить о том, с каким облегчением вздохнули областные начальники.

Николай Никифоров долго добивался, чтобы ему отдали под нужды литературного музея вторую часть дома, где он обитал. Местные чиновники, как всегда, не торопились выполнить просьбу коллекционера, которому уже не хватало места для размещения своих коллекций. Вот он и решил позвонить на самый верх.

Возможно, Хрущев посмотрел биографию Никифорова перед телефонным разговором, но не исключено, что Никита Сергеевич, действительно, видел молодого артиста-коллекционера на сцене. Из-за плохого зрения Никифорова не взяла на фронт, но он исколесил немало военных дорог, выступая с концертными программами перед бойцами в составе концертной бригады.

После войны Николай Алексеевич работал в различных учреждениях культуры, как правило, в должности директора. Чин небольшой, но он, как-то умудрялся дружить с великими мира сего.

5
Существует фотография, на которой легко узнать самого знаменитого президента Финляндии Урхо Калева Кекконена и его жену. Рядом с ними Николай Никифоров. Казалось бы, что особенно в этой фотографии? Ничего, если не учитывать, что снимок сделан в финской бане. Этот документ прежде всего говорит об уровне общения и доверия «между народами».

Необходимо набросать еще несколько важных штрихов к портрету НАНа. Он любил такое культурное явление, как авангард. Поэтому у Никифорова довольно много раритетов и артефактов, связанных с так называемой первой волной русского авангарда.

6
Но наиболее ценна и интересна его дружба с «отцом русского футуризма» Давидом Бурлюком. Кстати, поэт и художник учился непродолжительное время в тамбовской гимназии № 1. Интерес к Бурлюку Никифоров проявил в те годы, когда им никто серьезно не интере-

совался. Есть версия, что их познакомил замечательный поэт-авангардист Алексей Крученых. После долгой переписки в 1965 году они наконец встретились и провели в разговорах целую неделю.

В 2001 году за собственные средства мы издали книгу «Д. Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова». Автор-составитель — Александр Чернов. В книгу вошло более 700 писем, написанных «учителем Маяковского» в 1956—1967 годах. Издание получило довольно много положительных откликов, даже было номинировано «Литературной газетой» на премию поэта Антона Дельвига.

Переписка интересна и тем, что она не носила бытового характера, это прежде всего история, воспоминания о людях, которых он знал в России, размышления на тему развития живописи и поэзии. Письма Бурлюка — это своеобразный дневник его жизни. Он соединил в себе два века русской культуры. Благодаря эпистолярным контактам с городом детства в Тамбове оказалась одна из самых лучших в мире коллекций художественного и эпистолярного творчества поэта и живописца Давида Бурлюка — около 100 картин и эскизов, около трех тысяч уникальных документов. В том числе и комплект журнала «Color and rhyme» — «Цвет и рифма», который издавал сам Бурлюк.

Учитель Маяковского обращался в своих письмах к Никифорову не иначе как «дорогой, милой сын Коля». НАН в ответ называл Бурлюка «папой», а его супругу Марусю «мамой-фейей». Художник заботился о своем визави даже на бытовом уровне. Присылал различные бытовые вещи, включая обувь и одежду.

Никифоров, внимательно следивший за всеми культурными процессами в стране и мире, одним из первых распознал вторую волну авангарда. Творчество Дмитрия Краснопевцева он заметил ещё в 1952 году. «Это будет величайший художник», — заметил как-то НАН. Кстати, существует переписка между Краснопевцевым и Никифоровым.

Кроме того, он предрекал большое будущее московскому художнику Юрию Васильеву (1924—1975). Его работы экспонировались на крупнейших международных выставках в США (1965) и Милане (1970). Коллекции его картин находятся в Клубе развития современного искусства в Москве, а также в частных собраниях в России и за границей.

Существует интересная фотография, где в зеркало смотрит художник-нонконформист, поэт, искусствовед Лев Кропивницкий (1922—1994), а отражается Николай Никифоров. Кстати, Лев Кропивницкий — сын Евгения Кропивницкого, русского поэта, художника, композитора, главы неподцензурного Лназовского кружка, существовавшего в 1950-е — 1960-е годы в Москве.

Это лишь небольшая часть коллекции имен Николая Никифорова, а но она раскрывает уникальность этого человека.

В заключение хочется сказать, что эпоха расцвета эпистолярного жанра, по всей видимости, канула в Лету. Николай Никифоров был одним из последних и ярчайших представителей «рукописной» цивилизации. Никифоров, по существу, создал некую культуру дружеского письменного общения, которая включала в себя малые формы графики, живописи, экспромты, посвящения, самиздатские брошюры, фотографии, а также элементы альбомной культуры и так далее.

Сергей Денисов.
Олег Алешин.

МКОЛЬНЫЙ ПЕТРУШКА

Из истории кукольного театра в Тамбове

2019 год объявлен в России Годом театра. А Тамбовский театр кукол отмечает ещё и свой 85-летний юбилей. Он возник одним из первых в Советском Союзе на базе школьного кружка, организованного в начале 30-х годов прошлого века учителями 6-й тамбовской школы — супругами Натальей Николаевной и Александром Петровичем Ефимовыми. Выпускники Пензенского училища живописи, они оба были не только талантливыми художниками, но и педагогами по призванию, соединившими в себе любовь к детям, искусству, театру. Они и открыли тамбовской театре неведомый до того мир театра кукол — живого, воспитывающего добрые чувства, дарящего радость творчества. Кружковцы выступали на школьной сцене, а набравшись опыта, — в других школах, детских садах, близлежащих селах. Школьный театр «Петрушка» получил статус государственного областного театра кукол и свой «дом» в здании областного театра. Первый сезон открылся 4 января 1934 года.

Воспоминания Веры Дмитриевны Орловой, кандидата исторических наук, доцента, краеведа и просветителя, о своем отце Дмитрие Дмитриевиче Орлове приоткрывают для читателей страничку истории рождения Тамбовского театра кукол — одного из первых в России — и знакомят нас с удивительными людьми — творцами «кукольного волшебства» в нашем городе.

Ирина Блохина.

Мое обращение к этому сюжету опоздало на одиннадцать весен. Именно столько рядом со мной нет моего папы, который был участником школьного кукольного театра в тамбовской школе № 6 в середине 1930-х годов. Он нередко рассказывал об этом и очень гордился, что история кукольного театра в городе начиналась с их школьного кружка. Но ведь пока родной человек рядом, не приходит в голову задуматься о воспоминаниях. А теперь, вероятно, я осталась «последним из мотыган», хоть что-то слышавшим о тех спектаклях и куклах. В деревенском законодательстве очевидно события назывались «видами», а слышавшие о событиях от кого-то — «послухами», которым нельзя было доверять при разбирательстве дела. Я «послух» и практически совсем не знаю имен, но все-таки я пишу эти строки, чтобы

свет угасших звезд судеб довоенных куколоводов-школьников дошел до кукольников XXI века. Мой отец Орлов Дмитрий Дмитриевич родился в Тамбове в 1919 году и пошел в школу № 6 в 1927 году. Он любил игрушки, но семья жила бедно и покупных игрушек было до обидного мало. Зато его отец, а мой дед, рано научил Митю делать игрушки самому из бумаги и дерева. Это были кораблики, самолеты, повозки к лошадке, оружие, паровозик. Кукло умершей в три годика сестренки их мама продавала в голодном 1933 году. Единственной сделанной Митей в начале 1930-х годов «человекообразной» игрушкой был деревянный водолаз для младшего братишки Шурки. Мой папа ходил в модельный кружок, где учили делать летающие модели самолетов и плавающие модели кораблей. Он не воспринимал их как игру. Это было интересное дело.

Кукольников отец видел на базаре в конце 1920-х. Это был классический Петрушка в сценке с цыганом и лошадкой. Его показывал один старик. Голос Петрушки шел через пищик. В другой раз куклу, смешно называемую «живая Андришка», показывал китайец из бродячего цирка, у которого даже не было шапито. Куклой был маленький цилиндр с тяжелым шариком внутри, искусно катаемый по обнаженным рукам и торсу артиста. На концах цилиндра была нарисована смешная детская рожица. Оба представления понравились мальчишке. Но после конца НЭПа бродячие артисты исчезли с базарной площади.

В шестой школе были традиции хорошей школьной самодеятельности. С первого класса детей учили декламации и публичным выступлениям. Отцу нравилось выступать. Драмкружком руководили родители его одноклассника. Кажется, мальчишку звали Колькой Ефимовым. Но в имени я не уверена. В тридцатые годы была своеобразная мода на агитбригады, живые газеты и подобные актуальные сценические представления. Обычная стенгазета тоже была должна бороться с недостатками школьной социалистической действительности. Отец не говорил, а я не спросила, кому из взрослых пришло в голову создать в шестой школе кукольную живую сатирическую газету. Может быть, он этого и не знал. Но воплотила этот творческий замысел мама одноклассника моего отца. Труппа кукольного театра сначала была создана на основе одного их класса, а уж потом выросла.

От этих актеров детвора узнала историю кукольного театра

и роль в нем Петрушки. Общими усилиями научились делать головы кукол из папье-маше, шить куколки-рукавички. Другого типа кукол в школьном театре не было, но ребята услышали о марионетках, тростевых и теневых куклах. Ширму устанавливали на сцене актового зала. А этот актовый зал до революции был домовый церковью второго духовного училища. Акустика в нем была изумительная.

По первоначальному замыслу все куклы изображали школьников. Ученической формы тогда не было, и кукла становилась узнаваемым персонажем благодаря ее костюму, а не голове. Сшить новый балахончик на куколу-рукавичку гораздо проще, чем делать другую голову. Были и постоянные герои из общеизвестных пьес. Этим старались сделать голову-шарж. Как и положено живой газете, спектакль шел раз в неделю на большой сцене. Представляете, с каким напряжением нужно было писать тексты, репетировать, переодеть кукло. Но школьникам кукольный театр очень нравился, они были готовы часами заниматься всем этим. У подростков тридцатых годов было не много возможностей для интересного досуга. Небогатые семьи были вынуждены ограничивать детей в расходах на кино, а школьная библиотека была бедна популярными книгами. Так что собственный театр был великолепным развлечением для дружного класса.

Стать за ширму хотели все ребята. Руководителям кружка пришлось устроить серьезный конкурс на право вести ту или другую куклу. К глубококому огорчению, вспоминаемому и в 89 лет, четырнадцатилетний Митя Орлов не был избран в куколоводы, так как его подростковый голос был плохо слышен из-за ширмы. Вот в драмкружке роли со словами ему давали. А в горячо любимом кукольном театре ему пришлось довольствоваться ролью буфетора, рабочего сцены, устраивать «спецэффекты». Самым востребованным по сюжетам спецэффектом был звон разбиваемого окна. Для этого молотком били по куску стекла в мешке. Иногда моему папе доверяли какую-нибудь немую куклу из массовой. Поэтому виртуозно водить рукавичку, надев ее на мизинец, средний и большой пальцы, он умел всю оставшуюся жизнь. Кто же тогда знал, что он обретет командный голос офицера артиллериста на фронте. А в школе приходилось ему шить пальто из куколки, потому что у него хорошо шить на машинке паруса для моделей парусных кораблей. Он вспоминал свою роль кукольного

портного с юмором. В моем детстве мама с бабушкой не шли ни в какое сравнение с папой в крое нарядов для моих кукол. Папа делал точную выкройку одежды на самое нелепое игрушечное тельце.

Рано или поздно любой театр нуждается в обновлении репертуара. Было решено придумать героя, который объединял бы разрозненные школьные сюжеты. После горячих споров остановились на Петрушке. Какие-то представления об облике этого персонажа бродячих кукольников имели многие ребята. Его полностью сделала, одела, водила и озвучивала девочка по имени Нила (полностью Нелонна). У Петрушки был носатая, но детская голова, и не было горба. Вероятно, в этом облике сказались женское представление о хорошей забавной кукле. Он был рыжеволосым франтом и мещанин непременно яркие рубашки и колпаки. Как и старшие школяры, Петрушка носил кожаный ремень поверх рубашки. У Нилки Ивановой был звонкий сильный голос, поэтому от пищика отказались. Так что у тамбовского Петрушки из довоенного школьного кукольного театра билось девичье сердечко. Петрушку сразу полюбили все. Естественно, что Нила сразу получила школьную кличку «Петрушка».

Сначала Петрушка просто выходила на ширму. Но потом увлеченные авиацией мальчишки придумали современный выход любимого персонажа. В актовом зале были церковные хоры. От них через весь зал за ширму протянули проволоку, по которой летел красноречивый самолет с сиденьем в нем Петрушкой. Это был неподвижный «дублер» в летном шлеме вместо шапки. Как только самолет «приземлялся» за ширмой, на ширму выскакивал Петрушка-рукавичка в шапке и начинал представление. Отец страшно гордился, что делал самолет и осуществлял каждый успешный запуск именно он. Иногда он шутил говорил, что играл роль «Полпетрушки».

Популярность театра росла. Он начал выходить со своими злободневными спектаклями в другие школы «на гастроли». Появились отдельные сюжеты для малышей и взрослых. Нельзя же проявлять неуважение к старшеклассникам, обгравывая вечно измазанные чернилами пальцы или немые уши. А первоклашкам ни к чему сюжет о виртуозно подложенных между лампочкой и патроном кусках мощно шить на машинке паруса для моделей парусных кораблей. Он вспоминал свою роль кукольного

по этому делу успешно провела учитель физики, тоже ставший кукольным героем. Полет Петрушки в самолете на гастролях показывали «ручным способом», просто пронося его над ширмой. Сказок не ставили, к ним тогда было сложное педагогическое отношение.

К сожалению, я не могу узнать папину подружку на фото их класса. А «взрослых» фотографий и не было. В ее биографии нет «после войны», как и у большинства мальчишек. Староста класса, озорница и заводила, талантливая лепщица кукольных головок Нила погибла в 1941 при бомбежке в районе станции Брянск, где она копала противотанковые рвы вместе с другими тамбовскими девушками. Из папиных одноклассников живыми, кроме нее, вернулись еще двое. На дне Балтийского моря с боевым кораблем остался папин самый лучший друг Витяка Расстрегин, окончивший военное училище в Ленинграде. Море было их общей юношеской мечтой. Вот только очкарик Митяка собирался строить корабли, а Витяка по кличке Мозер хотел быть и успел стать штурманом. В кукольном театре Витяка водил куклу школьного директора.

Все мальчишки и две девочки-медика из класса — кукольного театра ушли на фронт в 1941 году. Большинство в нем и погибли. Пришедший с войны в августе 1946 мой папа-лейтенант вечером в первый день возвращения обещал дома всех друзей по театру с надеждой на: «А вдруг?». И в каждом доме услышал от матери друга, показывающей похоронку: «Вот жд... Митя, а ты его на фронте не встречал?». Я помню, как некоторые из осиротевших мам задавали ему этот вопрос-надежду и в конце 1960-х. Иногда они спрашивали подраставшую меня: «Верочка, а тебе Митя не рассказывал, не видел ли он моего на фронте?». Любые слова об огромности фронта были бессильны перед безразличным материнским горем. Чувство виновной вины перед этими старухами было у отца и бабушки всю их жизнь.

Классе в пятом, явившись со школьного мероприятия по патристическому воспитанию, я лягнула дома, что одноклассники моих папы и мамы (в ее классе не вернулся ни один мальчик) — это жертвы Великой Отечественной войны. Папе это очень не понравилось, и он сказал: «Они воевали и они не жертвы, а первые победители. Они начали Победу в 1941, и им было труднее, чем Генке, погибшему при штурме Берлина». Генка Соколов — это друг папиного младшего брата, по возрасту

На коллективном фото (предположительно — весна 1934 г.) школьного класса мой отец Митя Орлов в нижнем ряду крайний слева. Его лучший друг Витя Расстрегин в этом же ряду крайний справа (одеет в матроску). Даты и подписей на фото нет.

попавший на войну только в 1945.

После этого разговора много-много раз отец, выйдя со мной на родную Комсомольскую улицу в квартале от кинотеатра «Модерн» до речки говорил, что при игре совсем не приспособленные для этого предметы. А как он читал вслух детские книжки по ролям! А вот по поводу заводных игрушек с ключиком и ходячих кукол тридцати самых верных друзей и подружек. А после войны эта улица опустела, а у меня только одна подружка и три друга, потому что им не у кого было родиться. По-моему, до самой смерти он мысленно видел ту оставшуюся вечно юной играющую ребячью ватагу.

Так и хочется попросить современных кукольников: «Сделайте в своем театре ко Дню Победы памятник школьному Петрушке! Пусть никто в мире не делал трипочных памятников, сделайте! Вы волшебники и сумеете! А рядом просто повесть фото довоенного школьного класса, в котором каждый ученик был вашим коллегой».

Мой отвовавший отец не стал преподавателем физики. Может быть, в этом есть доля «вины» той школьной «шкоды» с электролампочками? В 1952 году он женился на моей маме Евдокии Георгиевны. Мир тесен, а судьбы непредсказуемы. В 1941 моя мама чудом спаслась при бомбежке станции Брянск недалеко от места гибели Нилы-Петрушки. Мама училась в первой школе и до войны не знала отца. Я родилась в 1958.

Я была горячо любимой Мамлявкой, не знавшей отцовского отказа в изготовлении игрушек. Да, в изготовлении, а не в покупке. В магазин мы ходили смо-

треть игрушки, а дома он делал по ним подобно неповторимые вещи. Любовь к ожившим куклам он сохранил на всю жизнь. В папиных руках говорили «своими» голосами и забавно двигались любые, порой совсем не приспособленные для этого предметы. А как он читал вслух детские книжки по ролям! А вот по поводу заводных игрушек с ключиком и ходячих кукол тридцати самых верных друзей и подружек. А после войны эта улица опустела, а у меня только одна подружка и три друга, потому что им не у кого было родиться. По-моему, до самой смерти он мысленно видел ту оставшуюся вечно юной играющую ребячью ватагу.

Сколько я себя помню, мы с ним были завсегдастами кукольного театра. Ходили на каждый спектакль по два-три раза. В ранних зимних сумерках папа водил меня смотреть в светящиеся изнутри окна полуподвального этажа кукольного театра на процесс изготовления в мастерской кукол и декораций. Это было завораживающее зрелище. Тогда люди часто изображали довольно большие тростевые куклы. Меня особенно радовало застать процесс изготовления или ремонта головы, после которого кукла оживала. По пути папа нередко рассказывал мне о своем школьном кукольном театре, без которого в городе не появился бы театр моего детства. Его погибли друзья и их бесследно пропавшие куклы продолжали жить в этих рассказах.

Когда мне было лет пять, папа сделал настоящие теневые театр.

Фигурки были неконтактными, он водил их на расстоянии от экранного экрана. Для меня и моих друзей были сделаны «Колобок», «Зимовые зверей», «Под грибом». Особенно охотно он придумывал декорации. У домика зимовья была заснеженная крыша из целлофана с нанесенными тушью крапинками. На просвет получалась необыкновенно похоже. Для сказки «Под грибом» к экрану с обратной стороны крепилась картонная рамка с туго натянутыми косыми нитями, к которым были приклеены бумажные дождевые капельки. Тот театр он показывал до моих лет десяти, то есть года до 1968.

На смену теневого театру пришла летом две куклы-рукавички, которых мы с подружкой сшили по папиным рекомендациям. Это были рдающие целлофановыми слезами Царевна Несмеяна и ее нянька. Папа не умел лепить головы и не мог научить нас. Сшили трипочные. Водить их над повешенным на бельевую веревку во дворе покрывалом вместо ширмы папа учил нас неделю две. Руки очень уставали, но охота туше неволи. Дворовая мезюга милостиво терпела наши эксперименты, а от восторга визжала только, если кукло брал на свои руки папа. Он умел водить и левой рукой тоже. А потом я выросла.

В 1996 году у моей подружки подросла дочка. Папа решил обновить теневого театр для Катюшки. Он усовершенствовал конструкцию и стал двигать фигурки в ползавых. Появились сменные фигурки одного персонажа в разных позах, фигурки с подвижными частями тела. Были сделаны обновленные «Колобок», «Репка», «Хитрый еж». «Почему зайчишка не носит штанишки» и «Как волк теленочку мамой был». Все тексты были им переписаны по-моему.

Все было приспособлено под одного актёра. Самое потрясающее в создании этих спектаклей то, что папа абсолютно не умел рисовать! Он умел и любил только чертить технические чертежи. Для театра кукольник терпеливо искал персонажей в иллюстрациях к детским книжкам, на упаковке, даже на детской одежде и по клеточкам увеличивал или уменьшал их до нужных размеров. Мог соединить в одну фигурку разные части тела с нескольких разномастных изображений. На все это уходила уйма времени и сил, но энтузиазм не пропадал.

Старые руки не забыли и о тряпочной кукле. На эту роль спонтанно оказалась выбран смешной мягконабивной кот китайского пошива, купленный мною под какой-то Новый год в «Детском мире». Папа полюбил его с первого взгляда, назвал Котопузом и умудрился уморительно водить его, держа руку зади игрушки. А какие драгоги на злбу дня он экспромтом разгрыбывал с Котопузом!

Но театр одной маленькой зрительницы был для него тесен. Я не подарила отцу внучат, в чем он ни разу в жизни меня не упрекнул. Но его щедрая душа кукольника жаждала публики. Стали приглашать соседских малышей. А потом папа нашел себе очень большую зрительскую аудиторию.

Я предполагаю, что, до этих строк, в истории кукольного театра в Тамбове никто не написал скромную страничку о выступлениях в начале двухтысячных годов теневого кукольного театра одного актёра Дмитрия Дмитриевича Орлова в городской библиотеке в филиале № 8 по улице Мичуринской, 114. Создателем театра и исполнителем было за 80 лет, но

душа довоенного мальчишки была в нем жива. Заведовала библиотекой Наталья Сергеевна Семеновна. Библиотекарями были Алла Рубеновна Арушания, Ирина Владимировна, Светлана Васильевна. Театр имел фирменное название «Дедушкины сказки». Оборудование было приспособлено для удобной переноски и легкого монтажа на столе. Каждую весну сотрудницы библиотеки приглашали веселого пенсионера-фронтвика порадовать самых маленьких читателей своим театром. На спектакли организованно приводили и детсадовцев, и учеников начальных классов. Успех был всегда. Юные поклонники диснеевских мультфильмов, их воспитательницы и мамы не подозревали о теневом театре вообще. Главное чудо для детворы свершалось после окончания сказки, когда дедушка поворачивал экран и показывал, как же двигались и смеялись друг друга фигурки. Отец никогда не огорчался, что после первых опытов юных куколоводов ему несколько дней приходилось реставрировать самых популярных персонажей. Ведь они были всего лишь картонными силуэтами, а дети — настоящими.

В последней папиной кукольной труппе была одна не теневая кукла. На роль конферансе он взял пластмассового смешного маленького рыжего клоуна, случайно купленного вместе с какими-то леденцами в трубочке. Клоун начинал представление, представляя, как Петр Петрович Уксусов, Петрушка жи! Каждое папино представление было неповторимым, а Петрушка непредсказуемым. Он то загадывал загадки, то вмешивался в ход сказки, путая знакомый сюжет, то утешал перво-напервовавшего за героя карапуза.

После серьезного ухудшения здоровья расстояние от квартиры до библиотеки стало непреодолимым для старого кукольника. Но он не мог оставить детвору без своего театра, а любимых библиотекарш без «галочки» в отчете о работе с юными читателями. Папа был хорошим педагогом. Он отдал дань своим довоенным учителям кукольного дела, научив библиотекаря детского дела нашей библиотеки показывать его теневые спектакли. Новым кукольником стала Ирина Владимировна. Благодаря ей совершилось кукольное чудо — театр пережил своего создателя. Яна продолжала брать у меня ту или другую сказку каждую весну уже после папиной смерти в 2008 году. Чаще всего это была «Хитрый еж» для старших детсадовцев или «Как волк теленочку мамой был» для младших школьников. Дома всегда оставалась только осиротевшая куколка Петрушки. Мещина не хотела нарушать ее одиночество нелюбимыми словами и неумением водить того, кто технически никак не создан для театрального действия.

Вера Орлова.

Из века в век

О двух уникальных проектах по тамбовским и мичуринским открыткам

Тамбов: набережная Цны.

Мичуринск: три эпохи в одной открытке.

В книжных магазинах сегодня можно приобрести открытки из серии «Тамбов из века в век». Выпущено два набора по 15 открыток. В каждый набор включены дореволюционные открытки из частной коллекции Дмитрия Гнатьюка и современные фотографии Сергея Рудакова. В основу композиции каждого листа положен принцип контрастного сопоставления того или иного объекта изображения в старинном и современном виде. Зрителям предоставлена замечательная возможность внимательно сравнить детали, все изменения времени, что порождает игру воображения, волнует чувства. Сверхзадача Сергея Рудакова — повторить сюжетные и композиционные коллизии оригиналов. Поэтому выбор ракурсов, масштаба изображения, сюжетных мотивов изначально ограничен. Однако мастерство художника проявляется не только в умении сохранить документальный характер изображения, но и в стремлении передать атмосферу современной эпохи, ее ритмы и, главное, уловить новое образное звучание того или иного памятника в контексте действительности. В работах цикла ярко отразились присущие мастеру романтическое восприятие жизни и оптимизм.

Проект оказался настолько удачным, что его решено продолжить. Совсем скоро увидит свет аналогичный набор открыток, но уже с сочетанием старого и современного Мичуринска (Козлова). В этот набор включены дореволюционные открытки и открытки первых лет Советской власти с видами Козлова из частной коллекции тамбовского филокартиста Дмитрия Гнатьюка и современные фотографии Мичуринска одного из тамбовских мастеров художественной фотографии Сергея Рудакова.

Стремление придать новому набору фотооткрыток историческую основательность и научную солидность заставило авторов-художников обратиться за помощью к замечательному мичуринскому краеведу Олегу Валерьевичу Сазонову. Кто, как не директор Мичуринского краеведческого музея, автор многочисленных и поистине фундаментальных трудов по истории Козлова, скрупулезный знаток архивных материалов, известный коллекционер артефактов козловской старины, сможет сопроводить визуальную информацию живым комментарием! Так, яркому ансамблю талантливых людей, неравнодушных к прошлому и настоящему своей малой родины, удалось невозможное — оживить старину.